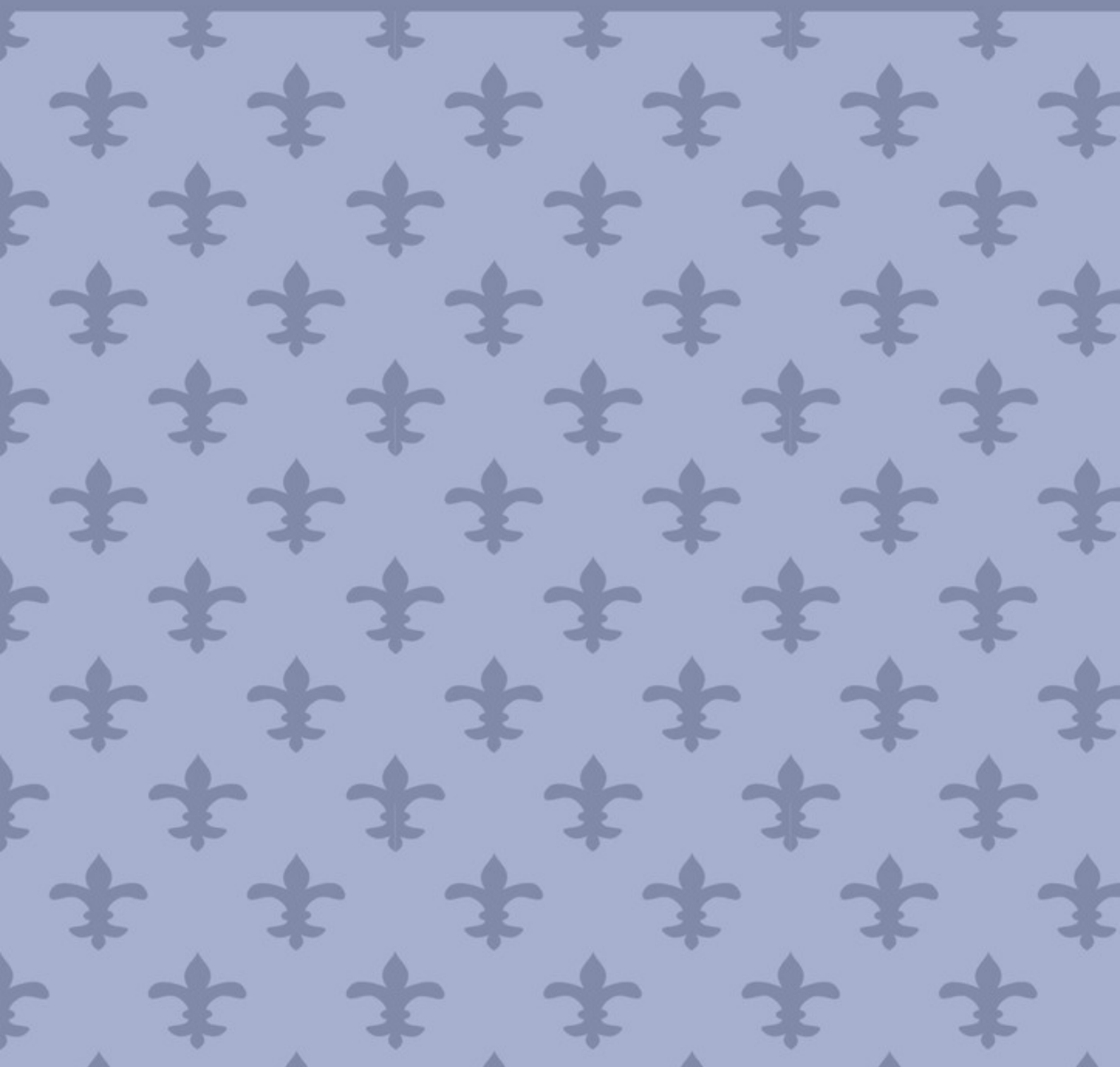

Максим Капитановский
Во всём виноват «Битлз»

Максим Капитановский

Во всём виноват «Битлз»

«Издательские решения»

Капитановский М. М.

Во всём виноват «Битлз» / М. М. Капитановский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938116-3

Это удивительное приключения человека, которому волей непредсказуемой судьбы случилось побыть слесарем, музыкантом, звукорежиссёром, главным редактором многотиражного журнала, муниципальным советником районного собрания, редактором на телевидении и кинорежиссером, а также волшебником, годика три покрутившимся, давая объявления в газете «Из рук в руки». Одним словом, приятного, поднимающего настроение чтения! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-938116-3

© Капитановский М. М.
© Издательские решения

Содержание

Во всём виноваты Битлз	6
Всё очень непросто	7
АКТ об испытании цепей	16
Пшикер	22
Zagranitsa	33
БОЛГАРИЯ	36
ГЕРМАНИЯ	38
Запретный плод	46
Из жизни жаб	47
Худшая песня	49
ПЫЛЕСОС	55
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Во всём виноват «Битлз»

Максим Максимович Капитановский

© Максим Максимович Капитановский, 2018

ISBN 978-5-4493-8116-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Во всём виноваты Битлз

Макса Капитановского мы узнали в 1972 году, когда вдруг из великолепного, гремящего на всю Москву «Второго дыхания» он переместился вместе со своими барабанами в юную, зеленую и неумелую еще «Машину». Дела у нас пошли в гору, однако счастье было недолгим: не проиграв и года, загудел Максим в Советскую армию, да еще прямо на горячую советско-китайскую границу.

Мы надолго расстались. Вернувшись со службы, Максим не сразу догнал «Машину», а сначала прошел сквозь строй советских ВИА «Добры молодцы», «Лейся песня» и уже с ними. А спустя годы все же вернулся к нам – правда, уже в качестве звукорежиссера. Кем и пребывает по сей день.

У Макса масса разнообразных достоинств. Одно из них – он великолепный рассказчик. Согласитесь, редко бывает, когда в компании просят: «Макс, расскажи про то-то и то-то», – отлично зная саму историю, но не в силах побороть искушение послушать ее еще раз.

Я понимаю, конечно, что рассказ рассказанный и рассказ, изложенный на бумаге, – совершенно разные вещи. Но мне кажется, что Максовы истории могут свободно жить и в той, и в другой ипостаси. Не надо ждать от этой книги протокольного изложения событий. И если автор то и дело приподнимается над тусклым уровнем бытовой действительности – он имеет право на этот полет.

*Сильная все-таки вещь – литература.
Андрей Макаревич*

Всё очень непросто Школа выживания

Наша доблесть заключается не в том, чтобы не падать, а в том, чтобы подниматься после каждого падения!
(Конфуций)

Рокнролл – это образ жизни!
(Леопольд Захер-Мазох)

1989. Уже четыре дня мы находились в Германии на гастролях. Болтаясь с утра по центру Дрездена, я так устал что, увидев несколько столиков, выставленных из кафе прямо на полустёртый площадной булыжник, срочно «приземлился» на ближайший свободный стул. До концерта было ещё часов пять, я заказал кофе и стал озираться. Начало июня, погода шикарная, город цветёт, – короче, жалко было только что это не Париж, а гэдээрошный Дрезден.

На столике рядом с пепельницей лежал аккуратный блокнот с ручкой в петельке. На блокноте изображён какой-то герб и надпись «Schriftsteller». Так же называлось и всё заведение – «Писатель». Народу было довольно много, но контингент странноват: в основном мужчины, примерно моих лет (30 +). И почти все они сидели пили кофе, курили и *что-то писали*.

Кажется, я сообразил: это было кафе писателей. То есть, не просто заведение, где собираются литераторы, а место, где эти литераторы конкретно пишут. На меня уже косо посматривали. Схватил блокнот, отстегнул ручку, которая тут же вывела на первой странице: «Пожалуй, человеку, который никогда...

Пожалуй, человеку, который никогда не бывал на гастролях, невозможно понять, что это такое. Представьте себе, что половину времени вы проводите вне дома, то есть должны как-то питаться, сохранять здоровье (зимой часто без горячей воды) и, наконец, по возможности хорошо выглядеть, порою в самых антисанитарных условиях.

О личной жизни, разбитых семьях говорить пока не будем. В конце концов, такую жизнь мы сами себе выбираем. Но вот о сложных социальных отношениях: гастрوليрующий артист – окружающая среда (гостиницы, поезда, самолеты) можно рассказать немало интересного.

Я постараюсь познакомить вас с некоторыми секретами и маленькими хитростями школы выживания в экстремальных гастрольных условиях. Секретами, наработанными десятилетиями концертных командировок по самым отдаленным местам. Но хочу предупредить: **НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ** не читайте раньше времени главу на странице 55 во избежание самых непредсказуемых последствий.

С возникновением групп и выходом их на профессиональную сцену, у подавляющего большинства людей (и не только работников сервиса) создался определённый стереотип гастрوليрующего музыканта: длинноволосый (а в просторечии – нестриженный), одетый в заграничное, непременно пьяный, гребущий деньги лопатой хамоватый ухарь, живущий для того, чтобы портить нервы нежным проводницам купейных вагонов и дежурным администраторам переполненных гостиниц.

Дело в том, что обычный командировочный или приехавший на отдых человек, прекрасно знающий, как трудно с билетами, гостиницами и т.д., считает за счастье и третью полку в плацкарте, и койку в коридоре. Его можно разбудить шваброй, и на белье мокрое положить, и прикрикнуть, а вот зарвавшиеся артисты, катающиеся по стране по десятку и более лет, ино-

гда начинают робко понимать, что и у пассажира, и у «гостя» (так называют в гостиничном сервисе своих горемык-проживающих) тоже есть свои, определенные конституцией и разумом права.

Вот тогда-то и получаешь на свои сногшибательные претензии насчет горячей воды в январе или по поводу отсутствия известных сантехнических приспособлений (удобства во дворе) интересный ответ: «Шибко умный». Надо думать, в ироническом смысле.

«Шибко умный» – это еще хорошо. Саша Буйнов, путешествуя однажды летом в поезде на гастролях, обратился к проводнице с просьбой открыть окно в купе. Было страшно жарко, а вентиляция как всегда не работала. Проводница – неопрятная баба с хохлятским акцентом – заржала и отказала в грубой форме. Когда же интеллигентный Александр задал робкий вопрос, для кого все-таки придуманы форточки в купе, баба, которой красивый Буйнов напомнил иностранного киноактера, его даже не ударила, а наоборот, -присела, борзо повела плечами, выкинула два гопаковых коленца и продекламировала: «Для те-бе, для пез-де!»

Братья гастрوليрующие артисты! Кто из вас после позднего концерта, а то и длительного переезда не просыпался в 7.30, как в страшном сне, от присутствия в вашем номере тетки в синем халате и двух огромных мордатых дядек, непонятно как прошедших через закрытую дверь и деловито осуществляющих какую-то таинственную работу. И лучшее, на что вы можете рассчитывать в этой ситуации, это реплика, длиною в двенадцать сантиметров (на бумаге): «лежичегодержасьчточьямужиковневидалаголыхнакурилтокак». И уж в самом крайнем случае, в припадке необъяснимого человеколюбия, кто-нибудь из мужиков может буркнуть: «Инвентаризация» или «Тараканов морим».

Вот так, просто и изящно: «Тараканов морим», – и довольные артисты отправляются в гостиничный буфет.

Итак, чем больше вы ездите на гастроли, тем делаетесь опытней и хитрее – вас уже на местной козе не объедешь и голыми руками не возьмешь.

И вот, въезжая в гостиничный номер, вы, сбивая дежурную с ног, бросаетесь к телефону (если он есть) на предмет тайной трещины, затем к телевизору (если он есть) работает ли? Отворачиваете штору на окне (если она и оно есть) в поисках абстракционистского черного пятна (оно почти наверняка есть) и, наконец, торжествуя показываете дежурной отбитый край хрустальной вазы, заботливо замаскированной под целую.

И упаси вас бог прохлопать один из этих пунктов, тогда при выезде, во время сдачи номера (есть такая милая трупоедская процедура), вам предъявят и неработающий телевизор, и треснутый телефон, и испачканную штору, и испорченную вазу; вы будете оштрафованы в ужасающекратном размере и под гиканье и улюлюканье персонала пойдете вон...

Но это, конечно, фантазии, не забывайте: мы опытные и хитрые, мы все проверили; и уже хочется вытащить на свет пословицу, что, мол, на каждую гостиничную старуху есть своя артистическая проруха, как в последнюю секунду выясняется, что по каким-то своим вафельным делам отсутствует полотенце (только что было тут), и вы, опытный и хитрый, покрывшись стыдливым мужским румянцем (нехорошо красть вафельные полотенца), платите деньги и, сидя в автобусе, стараетесь не смотреть на стройные ряды персонала, который, печатая шаг, проходит под вашим окном с плакатами «Не на тех нарвался!».

Мне лично с гостиницами всегда очень везло. Постоянно попадался номер напротив специальной комнаты, где горничные и дежурные по этажу держат свои таинственные коммунально-бытовые атрибуты и где вообще находится их штаб-квартира. Как это хорошо и полезно все время находиться в самой гуще их личной жизни и интимных подробностей, находится, так сказать, на самом острие пищевых, мыльно-порошковых и тряпочных интересов.

И как близко к сердцу все принимаешь. Однажды я в течение нескольких часов с трепетом следил за развитием ледящей кровь драмы с похищением половой тряпки, и, когда

добро восторжествовало, а зло было если не наказано, то осуждено, слепая нездоровая радость переполнила все мое существо – какие уж тут могут быть концерты.

Побывав несколько раз за границей и увидев, как у них решаются вопросы тишины в гостиницах (при помощи специальных табличек «Просьба не беспокоить»), я однажды решил (за отсутствием фирменных) написать собственное обращение. Долго корпел вечером, и вот что получилось: «Дорогие товарищи дежурные! Ваши гости устали после концерта. Убедительная просьба утром не орать или орать потише. Спасибо». «Спасибо» – это я позже приписал для пафоса.

Вы бывали когда-нибудь на шабаше ведьм? Нет? Может быть, вы участвовали в драке пьяных жестянщиков с пьяными жестянщиками же? Примерно от таких звуков проснулся я на следующее утро. За дверью грохотало, ухало, дикий хохот, безумные вопли несколько нарушали тишину. В дверь стучали швабры, плюхались тряпки, и кто-то очень ритмично (нельзя не отметить) молотил по замку пустым ведром. Наконец, из-под двери по сквознячку разлетелось по номеру кусочков сто моего не удавшегося опыта наглядной агитации.

До пересменки из номера не выходил: боялся.

Однажды на концерте пришла записка: «Это правда, что артисты только и делают, что пьют?» Вашими бы устами, господа зрители, да мед пить – к сожалению, артисты еще и едят.

А как удачно решаются на гастролях вопросы с питанием! Вы утром, чисто побрившись и одевшись по-выходному, приступаете к ожиданию обеда. На суточные в 2 р. 65 к. (1975г) позавтракать и поужинать невозможно, а вот позволить себе обед из первого, второго и, чем черт не шутит, может быть, и третьего никто вам не запретит. Поэтому обед – это событие, которое обставляется, по возможности, пышно, и вот вы, пригласив для компании (какой же обед в одиночку?) приятеля (естественно, из той же «Машины времени»), гремя всеми суточными, входите в гостиничный ресторан.

Сначала вас сбивает с ног, но не лишает аппетита устрашающий транспарант «Берегите хлеб – в нем соль земли и пот хлебороба!». Гигантским усилием воли вы не даёте себе расслабиться (в крайнем случае даёте друг другу слово не есть хлеб вообще) и усаживаетесь за один из прекрасно сервированных вилками и ложками (ножи крадут) столов. По непонятной оплошности официантки здесь же оказывается и меню. Какие широкие, в пределах суточных, конечно, горизонты открываются перед вами! Вот рубрика «Полакомьтесь», вот «Разрешите вам предложить», а вот «Если вам позволяет здоровье» (но не суточные). Если вы давно не были в цирке, то можно заказать неизвестно как сюда затесавшуюся брюссельскую капусту, а если вы последний день в городе и прилично знаете каратэ, то яйцо всмятку – блюдо, которое оказалось в меню не иначе, как по разгильдяйству типографского мальчика – явлению, видимо, достаточно распространенному, так как давало мне возможность раз шесть в разных городах заказывать этот редкий деликатес. Я думаю, простительно – в жизни так мало радостей.

Происходило следующее: сначала официантка переспрашивала, потом обижалась, затем из кухни по очереди выглядывали всякие изумленные рожи, и официанты начинали бычиться по углам (но мы-то, опытные и хитрые, последний день в городе и знаем каратэ), наконец, после кофе приносили (а чаще вообще не приносили) сырое, или тухлое (насмешка), или крутое (как директор ресторана) яйцо. Яйца всмятку отведать так и не удалось, видимо, кроме моей мамы и меня самого варить их никто не умеет, и горькими слезами по яйцам всмятку плакала «Красная книга СССР», а теперь уж я не знаю, чего.

Со временем это развлечение стало приедаться (каламбур), тем более что в общепите стали удивляться по поводу яйца все меньше и меньше. Наверное, рестораники разных городов обмениваются на своих тайных слетах необходимой информацией о своих ошибках, и, действительно, положение выправляется, видимо, создана специальная цензура (последние полтора года пресловутое яйцо в меню не попадалось), и со временем этот недостаток будет изжит общепитом навсегда, как, впрочем, и само блюдо. Но надо отдать им должное – машину

из сумасшедшего дома они ни разу не вызывали. А мы-то по-прежнему в ресторане, и поведать эту сумрачную историю про яйцо дало возможность полное отсутствие официантов и вообще кого-либо. Наверняка подглядывают, выжидают, чтоб меню получше изучили, а потом так и бросятся.

Точно. Вот на всех парах, как «Ермак» на помощь «Красину», летит официантка, и только состояние крайней эйфории и общей благожелательности не дает мне возможности сразу констатировать, что для официантки золотых перстней и зубов вроде бы многовато. Вот так номер – да это ж метрдотель! – «Вы что?! У нас же румыны!!!»

Я вообще-то всегда знал, что наши люди, а особенно артисты, хуже румын, но чтоб настолько...

В общем, со всем написанным может столкнуться любой человек, просто артисты часто ездят, то бишь гастрوليруют, поэтому видят немного резче и слышат немного громче.

С годами гастролей становишься мудрее (и опытнее, и хитрее), начинаешь понимать, что все они хотят тебе добра, только не у всех получается.

Хочет добра администрация гостиниц (чаще всего многоэтажных), когда в 20 часов выключает лифт, а концерт сплошь и рядом заканчивается позже; а в Новосибирске пошли еще дальше: выключали не только лифты, но и вообще электроэнергию. А чего, экономия и «гости» вовремя засыпают.

Хочет добра проводница, запирающая туалет, стюардесса, не дающая пить, и единственная возможность выбраться без потерь из этой бездны доброжелательства – это стать как можно более известным артистом, чтобы тебя все узнавали (тут отношение несколько меняется). Вот по каким причинам «Машина времени» стала популярной и часто показываемой по ТВ группой. А вы думали почему?! Нужда заставила.

А за кого только ни держит администрация гостиниц своих «гостей» в разных городах. Я сознательно не называю названий, чтобы не обидеть невинных людей, хотя о городах можно и прозрачно намекнуть.

Так, например, в одной столице (солнечной Татарии) в гостиничных номерах висит интересный документ: «Руководство по пользованию телефоном», – где сначала написано, что телефон предназначен для слуховой связи двух абонентов, для чего нужно левой рукой (если вы правша) снять трубку, убедившись, что есть гудок, указательный палец (а почему не мизинец?) вставить в специальное отверстие на специальном круглом (вы видели квадратный?) диске, плавными круговыми движениями... и т. д. Я понимаю, учили бы компьютером пользоваться...

В другом городе-герое – городе самоваров, пряников и оружейников – в общем, кто еще не понял, то в Туле, в гостинице правила поведения проживающих при пожаре и в мирное время, не мудрствуя лукаво, были озаглавлены: «Памятка для проживающих в гостинице людей».

Единственное, что утешало, так это то, что гостиница была цирковая, а значит, должна была существовать и «Памятка для проживающих в гостинице зверей».

А вот еще одна выдержка из правил для людей: «...В случае пожара (!) тепло оденьтесь, выйдите на балкон (!), закройте за собой дверь, затем жестами постарайтесь привлечь внимание пожарных и спокойно (!) вызывайте о помощи».

Я так и вижу составителя этих инструкций, тепло одетого, на балконе, тихо и проникновенно вызывающего: «То-ва-ри-щи, по-мо-ги-те».

Гастрольная жизнь несколько напоминает фронтовую, поэтому не обойтись без солдатской смекалки. Кто, как не артист, может вымыться в стакане, в два счета побриться с холодной водой без мыла и в темноте, кто способен в считанные минуты из куса проволоки, двух спичек и лезвия изготовить качественный кипяtilьник и кто, наконец, обычным феном ухит-

руется сушить носки, гладить брюки, греть, лежа с ним в обнимку, свою одинокую постель и даже сушить волосы.

В чемодане у музыканта можно найти самые неожиданные предметы: моток изоляции – заклеивать окна в номере, когда сквозь щели с палец шириной рвется к вам под одеяло ледяной ветер; непременно отвертка для отключения громкоговорителя, который с садистским сладострастием раздражает в 6 утра громовым гимном; нож на все случаи жизни, но в основном для отгибания металлических уголков у зеркала, дабы его перенести (как известно, зеркала в номерах непостижимым образом находятся на максимальном удалении от электрической розетки), в противном случае бриться и сушить голову приходится наизусть; рулон туалетной бумаги, который используется для перевязок, служит салфетками, утеплителем, затычкой в ванне или раковине, а иногда даже используется по своему прямому назначению.

Если покопаться, можно найти старую батарейку, палочки для добывания огня, кусок железнодорожного сахара, портативный стакан, иностранный паспорт и другие приятные и нужные в обиходе предметы.

Итак, вы при помощи различных ухищрений превратили стандартный номер в пятизвездочный люкс. Но самое главное – это при выезде не забыть произвести полный демонтаж всех приспособлений, потому что любое действие, направленное на выживание в экстремальных условиях, рассматривается администрацией гостиницы как коварное преступление, сравнимое по тяжести лишь с кражей полотенца.

Упаси вас боже пригласить вечером в гости понравившуюся девушку. Бесплезно объяснять дежурной, что вы хотите поговорить о музыке или поэзии, бесплезно передавать девушке свой ключ или визитную карточку: во многих гостиницах не поленились отпечатать женский вариант визитки, отличный от мужского. Вся нравственность, накопленная за семь десятков лет нашей непорочной жизни, встает непреодолимой преградой.

Выручает, опять же, смекалка. Для провода гостей существует несколько способов. Все они почему-то носят имена героев войны и пионеров.

Самое простое, конечно, – это дать денег, но их часто под рукой не бывает, тут-то и появляется возможность блеснуть мастерством с привлечением героико-пионерских хитростей.

Подробнее об этом потрясающем ноу-хау вы прочитаете во второй части книги, а сейчас не будем отвлекаться.

Скажу только, что все эти ужасные строгости по поводу девушек почему-то на лиц кавказской национальности, которых в любой гостинице половина, не распространяются. Видимо, мы хуже не только румын, но и всех остальных тоже.

Отдельная песня – это швейцары. Как правило, это бывшие военные, причем не маленьких чинов, так что они инстинктивно ненавидят любого гражданина с прической более 2 сантиметров.

Однажды в городе Бресте нас днем швейцар долго не пускал в вокзальный ресторан.

– Снимите куртки, – говорит. А гардероб не работает, а в куртках деньги, документы и т. д.

Наш директор объясняет, что «Машина времени», что час до поезда и т. д.

– Та яка така «Машина часу» – не положено и все!

В то же самое время Макаревича, Кутикова и других окружили любители автографов – с трудом отбивались.

Швейцар смотрел, смотрел, наконец говорит:

– Я не знаю, но вижу, народ вроде вас уважает, а против народа мы никуда. Идите в куртках.

Надо ли говорить, что в зале ресторана, когда мы зашли, половина посетителей сидела в пальто и в шапках.

Да, со швейцарами шутки плохи.

Однажды зимой, после очередного выездного концерта, мы возвращались в гостиницу около двух часов ночи. Декабрь, и очень холодно, но автобус теплый (не знаю уж, что у них там разладилось), поэтому большинство поехало налегке. Высаживают нас у гостиницы, где мы живем уже три дня, автобус уезжает. Стуча зубами, летим к закрытым стеклянным дверям с надписью «Мест нет». Вестибюль полутемный, никого нет. Молотим по стеклу, кто ключами, кто так, кулачищем. Наконец, в дальнем конце намечается какое-то движение, с раскладушки поднимается фигура и, медленно шаркая, направляется к нам. Не доходя метров пяти, швейцар головой и бровями вопрошает: чего, мол, надо? А мы уж друг друга отталкиваем, чтобы первым в тепло вскочить.

Тут Петька Подгорецкий со своим французским грассе спрашивает:

– А что, отец, номера есть?

Тот показывает на табличку и руками и спиной делает отрицательные жесты, неспешно удаляясь к раскладушке.

Ну, ткнули Петьку пару раз в бок, кричим, ключи показываем. Швейцар издали, с раскладушки, только руки скрещивает и головой мотает.

Минут двадцать пять «дрожжи продавали».

Конечно, сейчас кое-что изменилось, но осталась постоянная боязнь закурить в коридоре или забыть визитную карточку в номере. Все это настолько въелось в кожу, что сохраняется даже за границей.

Так, например, после долгих ожиданий и отказов «Машина времени» приехала в США. На шестой или седьмой день приводят нас в дискотеку. Первое, что удивило, – это великолепные музыканты, днем записывающиеся на студиях с различными суперизвестными певцами и группами, а вечером уже распрямляющиеся в дискотечном угаре. Второе удивление – это контингент: возрастной разброс от 18 до 60 лет. Лихие бабушки в коротких юбках отплясывали с юнцами западные обезьяньи танцы.

Я стою, прижавшись к стенке, всего трясет. Во-первых, от того, что я в Лос-Анджелесе; во-вторых, что вокруг никаких руководителей тургрупп – полная свобода. Но на всякий случай опасаюсь провокаций – после стольких собеседований и инструктажей боязнь непременных провокаций очень скоро выветрилась.

Все кругом курят. Я тоже курю – сигареты «Родопи», привез с родины, чтобы не тратить валюту. Очень нервничаю. Тут подходит один плечистый в черной водолазке, уши прижатые, нос приплюснутый, и берет под локоть явно с провокационными целями.

– Ты что, не знаешь, что здесь нельзя курить марихуану?

Я – в шоке, так как меня приняли за настоящего американца, а также оттого, что я сразу понял, что он мне сказал.

Начинаю бормотать, пачку показывать, даже затянуться дал. Уж не стал объяснять, что сигареты болгарские: он и страны-то такой, наверное, не знает. «Рашен», – и всё тут.

Затянулся пару раз бедняга.

– Сорри, – говорит.

.....

В борьбе с сервисом крепла и набиралась сил могучая советская эстрада и рок-музыка. С годами научились обращаться и с поездами, и с гостиницами, и с самолетами, и даже с пароходами.

Много раз приходилось бывать в круизах и по Черному морю, и в заграничных плаваниях. Каюты обычно двухместные. Сложились уже постоянные пары. Я, например, все время плаваю с нашим барабанщиком Валерой Ефремовым. Я ведь сам бывший барабанщик, и интересов общих у нас с ним много. То обсуждаем прочитанные книги и просмотренные кинофильмы, то молчим тупо об одном и том же. А когда уже совсем делать нечего, беззлобно ругаемся, кому наверху спать, а кому на нижней койке. Но сначала, как люди опытные, стараемся выбрать

каюту поближе к середине корабля, потому что качает меньше, затем отверткой отключается громкоговоритель, так как ночью и утром над ухом орет непонятный голос: «Двенадцатому срочно к тринадцатому», а иногда «Четырнадцатому очень срочно к пятнадцатому». Потом Валера из привезенной из дома проволоки пристраивает к кондиционеру держатель, в который помещается пара бутылок воды, и мы имеем холодный лимонад. А было несколько случаев – даже выпивали алкоголь.

В Италии приходим в непонятную лавку. Глазастый Валерка быстро из всякой тухлятины на полке выудил бутылку «Алкоголь Пуро», то есть чистый спирт; на этикетке даже огонек изображен: мол, горячее.

Продавец даже ухом не повел. Мало ли для каких целей мы берем (в той лавке и лак, и бензин, и средство для мойки стекол продавались), потом услышал русскую речь – сразу смикитил.

– Нон посибиле! – кричит, то есть никак невозможно.

Да еще свои ручки пухлые на груди скрестил и зубы оскалил, как на табличке «Не влезай, убьет». Откуда только знает, что у нас на столбах написано.

Ну, нам-то что? Мы на «Солнцедаре» росли, камни можем есть. Пожали плечами, заплатили и пошли.

Продавец еще долго за нами бежал: АКВА, АКВА – это он на воду намекает. Значит, чтобы мы уж в крайнем случае водой разбавляли в пропорции один к ста семидесяти.

Не надо!!! Валера – химик по образованию, МГУ заканчивал, наверно, уж получше какого-то макаронника знает, где чего добавить.

В три секунды в каюте из одной бутылки «Алкоголь Пуро» шесть «Столичных» приготовил. Будут нас еще учить!!! Как видите, с умением и сноровкой быт наладить можно.

Вот только с Прибалтикой осечки случались.

Это все равно как вы собираетесь поднять очень тяжелый чемодан, напрягаете мышцы, делаете вдох-выдох, а он пустой – ну, в общем «разбежался и упал».

В Риге приходим в кафе. У нас в Москве его называли бы рестораном, а у них нет – кафе. Швейцар стоит – баки, как у собаки. «Прошу, господа», – говорит по-латышски. Ну, это нам вообще непонятно, хотели было уйти, но пообедать-то надо. Ладно. Зашли, сели. Подходит официант с внешностью и манерами владетельного гранда. Провозглашает меню по-латышски минут десять. Мы, конечно: «Извините, не понимаем». Он – ничего, даже не ударил. «Суп, – говорит, – и второе». Ну, диктовали мы ему то да сё, никак его не собьешь: стоит с каменной мордой, записывает. Наконец Сашка, чтобы его как-то из транса вывести, говорит:

– И, пожалуйста, четырнадцать стаканов чая...

Гранд одну бровь приподнял и спрашивает:

– С ложечками?.

В Таллин приехали в день какого-то еще всенародного праздника. Концерт только завтра, сегодня день свободный. На вечер ресторан заказан в гостинице «Виру», а днем по старому городу бегали, дыхание веков ощущали.

Я перед поездкой, еще в Москве, себе сапожки ковбойские справил, надел в Таллине с утра, хожу-радуюсь. Единственно, что постеснялся джинсы в сапоги заправить: слишком уж было бы «знойно».

За целый день набегались, ноги гудят, да я еще страшно натер себе икры новыми голенищами. Принял душ, лежу, отдыхаю. В 8 часов наш директор всех обошел, предупредил: форма одежды №1 (пиджаки, галстуки).

Настроение отличное. Я костюмчик надел, галстук повязал, полюбовался – то что надо, пусть эстонцы умоются. Сапожки натянул – шагу ступить не могу. Края голенищ прямо в больные места впиваются. И надо-то всего лишь носки высокие или там «гольфы», а где в полде-

вятого вечера возьмешь? Пошел по товарищам: нет ли у кого чулок длинных или колготок? Так нет.

Заплакал. Не в кроссовках же идти, да и не пустят: Европа чертова.

Открываю гастрольный чемодан: вот отвертка, вот нож – пока не то. Ба! Туалетная бумага! Обмотал на манер красноармейских портянок, надел сапожки под брюки – шикарно.

В ресторане сидим солидно: коньяк, шампанское, официанты скользят неслышно, оркестр шуршит что-то хорошее, красивые пары танцуют медленно.

Я даже девушку себе присмотрел, как положено – блондинку, дождался музычки повеселей, поклонился (знай наших), пригласил. Она книксен сделала, танцуем. Я вообще танцую очень хорошо, Макаревич все время хвалит, а тут партнерша попалась послушная, чувствую себя Джоном Траволтой из «Лихорадки в субботу вечером». Народ вокруг смотрит с уважением, даже круг немного для нас освободили, некоторые аплодировать собрались, еле сдерживаются. И тут я во время какого-то особенно удачного поворота опускаю голову и вижу, что за моей правой ногой тащится примерно с метр туалетной бумаги. Что делать?! Вы бы, наверное, растерялись. Я – нет. Прижимаю партнершу к сердцу как можно крепче, чтобы хоть она не видела, делаю хитрое па и, как бы между прочим, наступаю левой ногой на бумагу, чем вытаскиваю еще полтора метра.

Тут и танец кончился. Я под видом поклона нагнулся, нагло оторвал проклятую бумагу и пошел спать.

На выходе у швейцара спрашиваю:

– Зачем все-таки вы в слове «Таллин» в конце вторую букву «н» начали добавлять?

Он говорит:

– Лучше вторая «н» в конце, чем «с» в начале.

На следующий день собрался я в гости к своему давнему другу поехать. А он, между прочим, Яак Йоала – лучший певец всех времен и народов.

Мы с ним однажды на гастролях в городе Хмельницке вместе случились. Вот он мне вечером после концерта звонит:

– Макс, ты что сейчас делаешь? Не можешь ко мне зайти, а то тут в гости пришли два мужика мощных, боюсь не справлюсь?

Я прихожу, смотрю – действительно мощные: пять бутылок принесли.

Яак показывает на здорового дядьку в тренировочном костюме.

– Знакомься, Макс, Николай Балясник – чемпион мира и Европы по поднятию тяжестей.

Коля застенчиво улыбается, потом схватил меня за руку, пожал рукопожатием, в котором гибнут все микробы.

– А это, – Яак показывает на второго мужчину в сером костюме серой рубашке с серым галстуком, – товарищ Тишков. Он милиционер и следователь, сюда на убийство приехал.

В общем, познакомились, сидим выпиваем. Мы с Яаком разговариваем, гости молчат: товарищ Тишков тайну хранит, а у Коли в голове одни штанги да гири.

На четвертой бутылке вышел казус. Товарищ Тишков вдруг в голос разрыдался. Мы спрашиваем: что случилось? Яак его утешает: бутылку показывает закрытую, что, мол, не все еще выпили, – даже Коля подошел, два роза по спине треснул.

Наконец, товарищ Тишков сквозь слезы говорит в таком смысле, что никто из сослуживцев ему не поверит, что он за одним столом с самим «Яком Юлой» и чемпионом мира (про меня, правда, ничего не сказал) сживал.

Ну, кое-как успокоили его, Яак афишу подарил, а Коля – гирю, дальше сидим. Коля пыхтел, пыхтел, потом:

– Знаешь, Яак, я никогда тебя не слышал, все времени не было. Спой чего-нибудь, ты ж певец.

А Яак не растерялся и говорит:

– Коль, ты ж чемпион. Подыми вот этот шкаф.

Даже товарищ Тишков улыбнулся. Стали прощаться. Тут Коля со шкафом подходит:

– Может, споешь, а?

Так вот, собрался я к Яаку в гости, а чтобы национализм какой не вышел, он мне еще раньше по-эстонски на бумажке написал название улицы и номер дома. «А если, – говорит, – заплутаешь, спроси у любого, где Йоала живет, – меня все там знают».

Сажусь в такси, говорю:

– Терё¹, – и дальше, как выучил по-эстонски.

¹ Здравствуйте (*эст.*).

Таксист оборачивается:

– Чиво, чиво?

Я по-русски объясняю, мол, около железной дороги.

Он опять:

– Куда тебя везти-то, сволочь?

Я вежливо:

– Ну, знаете, где Яак Йоала живет?

– Знаю, – говорит, – в Москве.

.....
В «Машине времени», как в любой другой группе, смекалка в большом почете, а пример в этом смысле всегда подавал Директор. Ему без конца приходилось улаживать всякие мелкие эксцессы и недоразумения, и он очень сильно в этом поднаторел.

В той же Прибалтике на концертных площадках, так же как и везде, самыми главными начальниками являются пожарные, которые «от нечего делать» у световиков и директоров кровь пьют просто литрами.

На сцене происходит расстановка аппаратуры и подвеска прожекторных ферм. Тут же расхаживает Директор и всем руководит. Как любой директор, он в тонкостях не очень разбирается, но на работе «горит» и трудолюбие осуществляет.

Появляется стройная белокурая женщина в полувоенной форме, на высоком каблуке и с красной папкой – местная пожарница. С сомнением смотрит на цепи, фермы и, безошибочно обращаясь к Директору, говорит:

– Извините, пожалуйста. А цепи выдержат, докумэнты есть?

Директор, равно как и все остальные, понятия не имеет, какие тут нужны «докумэнты», но (на то он и Директор) горячо заявляет, что выдержат и что есть любые документы, но в гостинице.

Пожарница:

– Извините, пожалуйста! Пока не вижу документ, концерт не начинается.

Директор бежит в какой-то кабинет, берет бумагу и на машинке быстро печатывает:

АКТ об испытании цепей ГОСТ ЦМ-21/324

от 25/5 1989

1. Испытание на разрыв в горизонтальной плоскости – 25 т
2. Испытание на разрыв в вертикальной плоскости – 23 т
3. В кислотной среде, вакууме, космосе и т. д. и т. п.

– всего девятнадцать пунктов. Подписал в трех местах, помял бумагу, даже ногой наступил и приносит «богине огня» якобы из гостиницы.

Очень убедительная бумага, но какие-то подозрения у женщины-капитана все-таки остались, и, чтобы их рассеять, она собрала весь свой эстонский сарказм и спрашивает:

– А не принадлежит ли эта грамота некоэму Филькэ?

Директор отвечает чистую правду (его-то самого Валерой зовут):

– Нет!

– Ну, тогда другое дело. Пожалуйста.

.....
Чем больше город, тем больше в нем начальствующих чиновников. Мы все вместе придумали начальственно-руководящую фамилию – Симак. Николай Иванович. И если что, то в какой-нибудь инстанции Директор как последний довод говорил:

– Как же так? Ведь нам сам Николай Иванович Симак обещал!

Срабатывало почти безотказно. Один начальник особенно упирался, не хотел подписывать какую-то бумагу. Тут Директор ему и ввернул:

– А ведь нам Симак обещал.

Тот берет ручку, подписывает:

– Ну, если я сам обещал...

.....
В Красноярске прямо с самолета – на концерт. Потом вечером в гостиницу. На улице —35 градусов. В номерах тоже очень холодно. Буфет закрыт, холод, неустроенность, выпить хочется страшно.

Наскребли немного денег. Швейцар говорит:

– Нету у меня, сынки, с удовольствием. Попробуйте у таксистов, хотя их тоже сейчас шерстят.

После получасового топтания на морозе посинели все. Нет не только водки, но и самих такси. Только одна машина стояла с самого начала с работающим двигателем, так там водитель сразу раскричался, что сам не пьет и вообще с этим делом борьба. Собрались идти по номерам. Тут он говорит:

– Ладно, повезло вам (оказывается, полчаса приглядывался, не провокация ли), – для брата берег. Вижу, ребята хорошие.

И достает бутылку из двигателя. Она горячая, как кипяток. Прибежали в номер, но как горячую пить – мы ж не японцы какие. Маргулис говорит:

– А смекалка на что? Вы дуйте за стаканами, а я пока на форточку ее пристрою охлаждать

Через пять минут собрались, кто со стаканом, кто так, с открытым ртом. Маргулис потянулся к форточке, а бутылка – раз! – и за окно с 6-го этажа птицей.

Минуты полторы били его, потом смекалка свое взяла. Гурьбой все вниз (некоторые, кажется, прямо из окна) выбегаем. Ночь лунная, на белом снегу темное пятно выделяется, и давай этот темный снег жрать, только стекла выплевывали.

Никогда бы в жизни пять человек с одной поллитры такими пьяными не сделались. Вот!

Сразу хочу сказать, что общенародное мнение, будто артисты очень много пьют, ошибочное. Пьют точно так же, как и все остальные, а может быть даже чуть-чуть меньше.

В Магадане, после концерта, подходит мужик загорелый:

– Очень мне нравится, – говорит, – ваше солнечное искусство. Я моряк, на палубу бряк, желаю вас сегодня на корабль пригласить, ребята будут очень рады.

Мы посоветовались и пошли втроем, а остальные спать: устали очень.

Корабль – немецкой постройки, в смысле ГДР. СРТ (средний рыболовецкий траулер), новенький, много автоматики. Команда собралась, 24 человека, только капитана не было: он с женой на берегу живет. Оказывается, пока они в море – сухой закон, а здесь сам бог велел. Мужик, который нас привел, коком оказался. Как начали они на стол метать: крабы натуральные, крабы запеченные, печень макроруса и т. д. Водка, конечно, рекой.

Слева от меня старпом сидит, серьезный мужчина – после капитана он здесь главный.

Сначала морячки всё столичных артистов послушать хотели, потом сами разошлись – не остановишь. Рассказали историю о том, как у них на корабле два щенка жили: белый и черный. Тайком от капитана: он не любил животных. И как гад-капитан на них в плаваньи наткнулся и приказал выбросить за борт. А потом через неделю корабль в порт пришел, а на пирсе два мертвых щеночка *рядышком*: море выбросило. И как потом в течение месяца погиб один блондинистый моряк, другой – брюнет.

Нам-то после таких дел и крыть нечем.

Тут наш Саша вдруг увидел, что нам наливать стали меньше. Толкнул меня в бок – что, мол, за понты. Мы – в обиду. Старпом застенчиво объясняет:

– У вас же завтра два концерта, мы думали...

– Вы о нас не волнуйтесь, – говорим, – все в порядке.

Справедливость была восстановлена, и старпом, чокаясь со мной, тихо говорит:

– Ты не думай, мы добра хотели, а так все нормально. Я, кстати, сам с Питера буду.

Ну, я, чтоб ему приятное сделать, спрашиваю:

– Неужели с *самого*?!

– С самого – не с самого, а с Парголова¹. Ты вот что. Сейчас наши напьются и повезут вас в Бухту Радости рассвет встречать. Я-то эти дела знаю: или на мель сядем, или вообще потонем, так что вы ни под каким видом! Сразу говорите, что завтра концерты. Мол, спасибо, но никак не можем, а то я эти дела знаю.

¹ Парголово – около 25 км от Питера.

У меня к нему сразу возникло теплое чувство; остальным передал, те тоже с благодарностью посматривают.

Минут через пятнадцать после того, как возникло чувство, старпом вскакивает (чуть меня со стула не сбил), глаза выпучены, как у того макроруса.

– А ну, семь футов вам под киль! Свистать всех наверх, везем ребят в Бухту Радости!

Мы, конечно: нет, спасибо, завтра два концерта и т. д.

– Никаких концертов! Отдать все концы в воду...

В общем еле-еле отбоярились. Провожали нас всем пароходом, договорились, что завтра они на первый концерт придут.

На следующий день на первый концерт никто из них не пришел.

Только после второго у служебного входа стоит один – морда вся расквашена, на груди разбитый фотоаппарат.

– Мне, – говорит, – повезло. Я у самого трапа заснул: идти было близко, – так что извиняюсь.

В «Машине» с этим делом всегда было очень строго: если выпить кто хочет, так только дома под одеялом. А если какой банкет солидный, то все выпьют по рюмочке, а потом Директор зыркнет глазом и объявляет:

– Спасибо большое! Мы больше не хотим! Мы практически вообще не пьем!

Очень на разных начальников и на иностранцев это сильное впечатление производило.

Но вот приехали мы в Испанию, в Барселону, по приглашению Коммунистической партии. Коммунисты тамошние не такие, как у нас: запросто в джинсах ходят и винцо испанское попивают. Сразу же устроили нам концерт в тюрьме, чтобы перед выборами престиж компартии повысить. Никогда не забуду. Сажу за пультом, а сзади мне двое испанских каба-льеро в наколках в шею дышат, договариваются, каким способом меня моей советской шкуры лишить.

Ну, ничего, бог миловал. На следующий день культурная программа: рыбный ресторан, прогулка по городу и т. д.

Мы поначалу-то продолжали обычную «дуру» гнать, типа – спасибо, у нас это дома есть. А потом смотрим: они обижаются. Оказывается, чтобы нас хорошо принять, деньги со всех коммунистов провинции собирали. Мы быстро доказали Директору, что так вести себя – просто свинство, и стали пить и есть, как нормальные провинциальные гуахи-ро, приехавшие в столицу за сеном.

Общение осуществлялось через переводчицу, молодую девочку, не знающую ни слова по-русски. Она немного говорила по-английски и переводила со своего шикарного испанского на свой слабенький английский, а мы с ее слабенького английского – на свой слабенький русский.

Около двух часов ночи она решила показать ночной бар, где, по ее словам, работал самый лучший бармен города. Он на память знает полторы тысячи рецептов коктейлей, и от головной боли, и для повышения потенции, и – самое главное – имеет под рукой все, чтобы эти самые коктейли воспроизвести.

Я этим вопросом особенно заинтересовался, и вот она меня подводит к стойке, а ребята пошли стол занимать.

Мужчина лет пятидесяти, с благородной сединой, зовут Мигель, наверное, в юности был жонглером, потому что стаканчики, бутылки и шейкеры у него над стойкой так и летают.

Он говорит:

– Буэнос ночас.

А я на всякий случай:

– Патриа о муэрте!

Девушка объясняет, что вот, мол, Макина де Тампо – советика. Я через нее наврал этому Мигелю, что еще в Москве о его чудном искусстве слышал.

Он рад, предлагает какой-нибудь коктейль за счет заведения. И тут я с ужасом понимаю, что не знаю ни одного названия, – вертятся в уме «Даури» какие-то (это я позже вспомнил, что «Дайкири» – Хемингуэй очень любил).

Бармен показывает, что ничего страшного, может, у сеньора какой свой рецепт имеется?!

Я смотрю: – у него за спиной бутылок триста сверкают, и все незнакомые. Наконец, любимый силуэт гостиницы «Москва».

Показываю на «Столичную» и три пальца. Он смотрит с уважением, наливает в узкий стакан. А ведь надо-то коктейль, да и на три пальца маловато будет.

Смотрю: – опять знакомая бутылка, джин «Бифитер», я такой у Макара на даче видел, там мужик на этикетке идет с палкой и в шляпе.

Чуть-чуть «Бифитера» – бармен улыбается: оценил мой тонкий вкус, собака. Опять мало-вато. Тут уж я, не мудрствуя лукаво, говорю:

– Давай еще две бульки «Столичной», и хорош!

А потом для пафоса два кубика льда и соломинку.

Он доволен, я тоже. «Грациас!» – и пошел. Пока шел до стола, все это выпил.

Бармен еще немного с нашей девушкой поговорил, она к нам присоединилась, а он собрался мой коктейль повторить – видно, в новинку ему.

Воровато озираясь, налил водки, джина, потом опять водки, попробовал – вроде не понравилось; потом просиял: конечно, а два кубика льда-то забыл. Положил два кубика, размешал, попробовал.

– Тьфу, – говорит по-испански, – какая гадость.

Так этого рецепта он в свои полторы тысячи и не записал.

Сам виноват: не надо было размешивать.

Проходит два дня. Все очень хорошо, сыграли еще один концерт, но, по мнению Директора, очень хорошо – значит плохо. Любимое выражение его было: «Что, жить хорошо стали?» Собирается собрание. Выступает Директор:

– С этого дня за границей могут пить только Андрей Вадимович, Александр Викторович и я, ваш покорный слуга. Остальные, то бишь Капитановский, Ефремов и Зайцев, выпивать права не имеют, штраф 700 песет.

Я прямо чуть сигарету не съел. Что же это такое? Деление на «чистых» и «нечистых»? Заяц потом отошел в сторону, шепчет:

– Пил, пью и буду пить!

А жили мы в симпатичной трехэтажной гостинице. Я в одном номере с Директором. Потолок у нас покатый, типа «мезонин», и в нем окно имеется, на крышу выходит.

Приходим в номер, я молчу: обижаюсь. Директор говорит:

– Ну чего ты? Тебе ж не пятнадцать лет!

Я: – Что за дела? Почему это Макару, и Кутикову, и тебе можно, а мне, к примеру, нельзя? Что за дискриминация такая?

– Потому что Андрей меру знает, и за Кутиковым никогда ничего этого замечено не было. А я вообще, как ты знаешь, мало пью; ты же взрослый человек, а на тебя Зайцев смотрит.

Я говорю:

– Ты еще взрослей меня.

Он еще минут двадцать мне вкручивал, потом дверь запирает, достает «Лимонную» с винтом, которую из Москвы для контакта с Испанской компартией привез:

– На, наливай, пойми меня правильно.

Я смягчился, думаю: может, прав, – и тут кое-что в окне замечаю.

– Валер, – говорю, – у тебя среди родственников не было сердечных болезней?

Он говорит:

– Вроде нет, а что?

– Ты присядь, на всякий случай, – он садится, – а теперь обернись.

В плафоне над нашими головами двое «чистых», Андрей Вадимович и Александр Викторович, сидя на крыше, высунув языки, делают нам всякие рожи, видимо, «трезвые» абсолютно.

Директор посмотрел, спал с лица, говорит:

– Налей-ка, брат, мне тоже.

Так в Испании закончилась борьба за трезвость. Но потом в Союзе сильно продолжилась. Директор вообще обожал собрания собирать и всякие судилища устраивать.

Приходит однажды на Росконцерт бумага из милиции: вот, мол, ваш работник Гуренков был задержан у станции метро, за киоском: мочился в неположенном месте.

У нас собрание сразу, суд. А происходит между концертами, все есть хотят, но Директор настроен решительно. Наша костюмерша Танечка протокол ведет, подсудимый Гуренков, по кличке Дед, на скамье сидит. Директор прокурором выступает.

Дед – он, вообще-то, рабочий, колонки у нас таскает. Судить его можно как хочешь.

Директор долго прокурорствовал, описывал преступление Деда, потом говорит:

– Ну, что, Гуренков, можешь сказать в свое оправдание?

Деду самому смешно, но говорит чистосердечно.

– Трезвый был. Искал туалет, сил больше не было, зашел за метро «Текстильщики», а там менты меня и ждали.

Директор говорит:

– Ну, кто хочет выступить? Случай безобразный...

А все на часы смотрят, как бы в буфете до концерта бутерброд перехватить.

– Нам это дело осудить надо. Позор проклятому Гуренкову. Вот Андрей Вадимович в такой ситуации так бы не поступил, правда, товарищ Макаревич?

Макар, индифферентный, говорит, глядя на часы:

– Ну, почему?! Вот мне однажды приспичило, я зашел за Министерство культуры...

Так Деда и не расстреляли.

А в Испании еще случай был. Пошли мы с Андреем как-то вечером по Барселоне погулять. Он, когда настроение хорошее, даже в Союзе меня гулять берет, а уж в Барселоне сам бог велел.

В общем, оделись во все чистое, я даже брюки белые надел, и пошли. Ходим по центральному бульвару, впечатления впитываем, благо их полно, – вот оно, счастье-то.

Кругом акробаты всякие, фокусники и вообще большой праздник. Андрей идет, радуется, что не все прохожие его узнают и с автографами не надоедают, рассказывает мне, какая тяжелая жизнь у знаменитостей.

И тут как раз из толпы девица длинноногая к нам бросается. Андрюшка приосанился, за ручкой потянулся, а девица у меня на шее повисла, щебечет что-то на разных языках:

– Френч? Инглиш? Америка? – все старается выяснить, из какой страны такой видный парень, как я, приехал.

– Амур, амур, – говорит и на соседнее здание показывает: там, мол, у нее девичья светелка.

И вот здесь-то я начинаю соображать, что, возможно, она попросту несчастная проститутка, вынужденная в условиях суровой испанской действительности продавать за кусок хлеба свое барселонское тело.

Честно говоря, у меня до этого уже было несколько знакомых девушек, но мы же за границей, нам же нельзя; а уж когда я почувствовал, что она правой рукой меня особенно сильно за шею обнимает именно в том месте, где у меня замочек от моей тоненькой золотой цепочки расположился, тут я совсем против проституции настроился. Мужественно оторвал ее нежные руки от своей цепочки.

– Баста, – говорю, – никаких амуров.

Она огорчилось, но не сильно, и по принципу «с драной овцы – хоть шерсти клок» говорит, в смысле: мужчина, угостите папироской.

А это – всегда пожалуйста! Дал ей сигарету «Родопи» – пусть хоть насмерть отравится. У нее, у гниды, и огня не оказалось, дал.

Наконец она отвалила, мы дальше пошли. Я вздохнул облегченно: фу ты, напасть какая, ну, будет хоть о чем друзьям рассказать. Чувствую себя легко, а особенно легко себя чувствует

моя левая рука, на которой еще недавно на ремешке красовались скромные часики «Картье», а тут – как испанская корова языком слизнула.

Кинулся назад, да девки той уж и след простыл.

Правда, я ее на следующий день видел: стоит на том же бульваре с четырьмя здоровеными громилами, смотрит на меня нагло. А у мужиков ейных глаза выпучены, как у тех быков, что в Испании на каждом углу за красными тряпками гоняются, – пришлось сделать вид, что первый раз ее вижу. Но все равно, когда проходил мимо, улучил момент и подмигнул ей смело: носи, мол, на здоровье.

Через два дня я вынужден был новые часы купить, на таком мощном браслете, который можно только вместе с рукой оторвать. С тех пор много проституток пыталось с меня часы сорвать, ни у кого не вышло.

Я даже сейчас все это пишу, а часы те с браслетом на мне, как гвоздями прибиты.

Покупка часов сильно подорвала мои финансовые возможности. Очень хотел я в Испании курточку себе купить на молнии. Люблю на молнии: вжик – и готово. Но на оставшиеся деньги смог позволить себе только на кнопках. Кнопки такие тугие, стал застегивать и два ребра сломал.

Счастливые часов не наблюдают.

Пшикер

*«Непобедимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед...»
(Из песни)*

Наши мне про Пшикера все уши прожужжали: Пшикер то, Пшикер это, – но посмотреть его в деле все никак не удавалось.

А дело было вот какого рода. Значит, отбывал у нас воинскую повинность один такой солдат – Пшикер. Фамилия ему была Афиногенов, а Пшикером его солдаты прозвали за особую военную манеру выражаться.

Вот, например, идет старшина, все солдаты прячутся: как бы от него какой приказ не вышел, – и как на грех Афиногенов из-за склада №3 по своим делам выходит. Ну, старшина натурально:

– Воин, ко мне, аллюр 3 креста.

Афиногенов, – делать нечего, – подходит, ест глазами начальство. Старшина говорит:

– Слышь, Афиногенов, так тебя растак, значит, сейчас пойдешь к Парфенову, так его растак, возьмешь это белье долбаное с каптерки, так её растак, и шмелем к майору Сурову, так его растак, в его замудонскую контору (так ее растак. – *Примеч. авт.*). Там берешь 6 комплектов и пулей ко мне, так меня растак. Понял, собака?!

У Афиногенова глазки голубенькие, вытянулся молодцевато:

– Есть, никак нет, виноват, так точно, товарищ командир!

И пошел курить анашу.

Старшина для порядку ему еще вслед крикнул:

– Смотри у меня, черт немытый! – Некоторое время постоял и сам пошел обедать.

Прошло дней десять. Ни старшина, ни сам Пшикер о белье (так его растак), естественно, и не вспомнили.

Потом встретились случайно. Тут за мной прибегают:

– Идем быстрее, Капитан, там Пшикер со старшиной разбирается.

В самое время поспели. Старшина ноги расставил, собой любитесь, говорит грозно:

– Афиногенов, так тебя растак, урод в жопе ноги, ты у меня на дембель инвалидом поедешь. Где белье? Чмо ты китайское!

У Пшикера глазки небесные, бровки домиком, весь такой складненький:

– А я, товарищ старшина, все как вы сказали. Пошел, значит, белье, пшикер, лежит где. Там, пшикер, он ой! Страшное дело, какой пшикер. А я как на духу, пшикер. Белье, пшикер, Парфенов, Парфенов и Парфенов, пшикер, пшикер, товарищ, пшикер, старшина, пшикер. В общем, все, как вы сказали.

Старшина подумал минутку, осмотрелся, потом говорит:

– Чего?!!

Афиногенов доброжелательно:

– Ну я же вам объясняю! Пошел я, пшикер, туда-сюда, пшикер, белье-то надо, как вы приказали, пшикер. Вот какие дела, а пшикер – он там... Я говорю: «Сам товарищ старшина, пшикер, 6 комплектов пшикера», – а майор, пшикер, так точно, согласно уставу, белье, пшикер, в общем, благодарю пшикер за службу, пшикер и пшикер.

И пошел курить анашу.

Старшина немного постоял, кулаком загрозился для страху и опять вслед крикнул:

– Ну я, бля, твоему майору... – махнул рукой и пошел обедать. Подошли ко мне мои орлы однополчане, рот закрыли, говорят:

- Понял службу, салага?
- Понял, – говорю, – более или менее, а почему у старшины «Растак» – кликуха?
- А вообще-то Пшикера все офицеры почему-то старались избегать.

Капитан-то – это не звание у меня было, а прозвище, и родилось оно так.

Попал я однажды в военный госпиталь по подозрению на дизентерию – тогда половина полка животом мучилась. Ну, привезли меня ночью, положили в палату до утра. Лежу, сильно удивляюсь: палата на двух человек, на второй койке кто-то спит, одеялом укрывшись, на полу – ковер, на подоконнике – цветы, на тумбочке – небольшой телевизор! Ну, думаю, наконец-то наши солдатики дожили до нормального отношения. Уснул сладко, зная полка снилось.

Утром будит сестричка: халатик крахмальный, каблучки-туфельки, – лезет теплой ладошкой за пазуху:

- Товарищ капитан, поставьте градусничек.

Я говорю:

- Ошибочка вышла: рядовой я.

Она улыбается:

- Никакой ошибочки, у нас все четко. Вот у меня написано: Капитан Овский.

В общем, через 20 минут я уже на 3-м ярусе в бараке с ребятами за дембель базарил.

А до этого у меня вообще кличка была – ВРАГ. Я до армии в «Машине времени» играл на барабанах. Очень известная уже тогда была группа, хотя и официально не признанная. И вот уже после того, как меня предательски забрали буквально в один день, в одном гэдэрошном журнале FREI WELT появляются статья и крупная фотография «МАШИНЫ»: А. Макаревич, А. Кутиков, М. Капитановский, С. Кавагоэ – по-немецки написано, но все ж даже после военной академии прочитать можно. И вот ребята меня решили порадовать в моем далеком пограничном районе – выслали бандерольку с журналом.

Через каких-то два с половиной месяца вызывают меня в штаб. Большинство солдат за два года ни разу даже близко к штабу не подходят, а я еще на четвертом месяце – довольно страшиновато. Военная комната: сейф, шкаф у двери, стол и еще шкаф в углу. Двое очень крупных мужчин в форме. На столе какой-то немецкий журнал. Мужчины – замполит майор Криворот и высокий капитан-пропагандист (была такая специальность). Я стою, они курят. Потом спрашивают ласково:

- Кто будете?

Я приободрился:

– Воин Советской армии и флота Максим Капитановский, по вашему приказанию прибыл.

- Что же ты, сукин кот, не поставил нас в известность, что был в ФРГ, у них же Бундесвер. Второй, глядя в потолок, говорит:

- А ну-ка, Саш! Позвони в дивизию прокурору.

Я в страхе бормочу:

– Товарищи маршалы, какая ФРГ? Я же в немцев только в детстве играл, и то на стороне русских.

- Не надо петь военных песен, – это капитан-пропагандист.

- ФРАЙ ВЕЛЬТ – это свободный мир, как сам думаешь, Николай Иванович?

Тут шкаф в углу говорит:

– Я тя научу родину любить, ты – не советский воин, ты – враг; я таких в 42-м своей рукой к стенке ставил и... – выходит из тени на середину комнаты – чистый Вий. – Хорошо, что мы почту проверяем, а то мамыши несознательные то колбасу пришлют, то фотку бабскую, а враги тут как тут притаились.

Вышел к столу: косая сажень в плечах, ремни поскрипывают – командир полка Рекс. Штаны на библейском месте топорщатся – я его тут же прозвал Эрекс, но не прижилась шутка: тонко очень.

Ничего мне за это не было, даже журнал через полгода отдали, только, бывало, Рекс около оркестра (я тогда уже в оркестре служил) пройдет:

– Как, – говорит, – Враг, совсем империалистам проданся?!

Мы, конечно, все «ха-ха» включаем.

– Рады стараться, товарищ полковник.

Так вот, я сначала Врагом обретался, а уж потом Капитаном.

О Рексе – особо. Потрясающий мужик был. «Рекс» – это тоже кличка (уж не знаю за что!). У нас с ним отношения на короткой ноге. Не моей, конечно, – у него-то на три размера больше, чем тот год, когда он якобы всех к стенке ставил.

Я, вообще-то, его возраст прикинул – получалось, что в 42-м ему было от силы года четыре, так что своей рукой к стенке он мог ставить разве что ночной горшок. Но я привык людям верить, поэтому на всякий случай его побаивался.

И вот вызывает он однажды меня в ту комнату. Там майор Криворот и полный набор шкафов и сейфов. Рекс:

– Ты, Враг, знаешь «Комсомольский прожектор»?

Я мысленно упал в грязь его лицом, но говорю:

– А как же, не у Пронькиных на даче (но в уме).

– Тут комиссия, штык ей в брюхо, через два дня. Замполит сказал, что ты рисуешь, как мороз на оконном стекле. Вот тебе фотоаппарат старлея Митрохина, ему жена из Новосибирска привезла, ну, та, которая потом с прапором Акишиным сбежала, но ты этого знать не можешь. Так вот: 2 пленки, аппарат, иди и снимай недостатки, потом пойдешь в клуб к Антсу Аарэ, к этому чухне, к врагу, которого я в 42-м ставил и не поставил. Он фотки напечатает, и вообще, а ты – «Комсомольский прожектор»... Одна нога здесь – другая там.

Я: – Есть, никак нет, виноват и служить легче будет!

– А щит стоит возле КПП – ржавая такая железяка, а то я тя своей рукой...

Впервые работа по нутру, иду с фотоаппаратом, как кинооператор Кармен, радуюсь, навстречу Пшикер.

– Ну, что, – говорю, – Пшикер, как оно, белье-то? – настроение у меня хорошее. Он посмотрел холодно:

– Пшикер, – говорит и пошел курить анашу.

Я потом с ним после дембеля встретился, ни разу этого чудного слова от него не услышал. Правда, он тогда вообще молчал.

Так вот, перво-наперво я достал два листа ватмана, склеил, пошел на КПП на «Прожектор» посмотреть: на двух столбиках стоит неправильной формы металлический лист. Ничего не понимаю. Покурил! Ага, вижу: контур Воина с прожектором просматривается, и еще место для недостатков. Достал краски, освежил – Воин классный, красномордый, в одной руке прожектор, другая на недостатки указывает.

Ну что вам сказать? Недостатки хорошие. И овощехранилище, где картошка гниет, и коровы на территории, и женщины гражданские с авоськами через полк на автобус дорогу срезают. А на КПП приказ вышел: баб не пускать; часовые роины насмерть стоят, правда, пять метров в сторону забор кончается и бабы там вперемежку с коровами проходят.

Я пал на колени, как перед невестой, сфотографировал.

Увлёкся, два дня не обедал, наконец, эстонский рыболов Аарэ – «печальный пасынок природы» – выдал мне 32 фотографии (из 64 совсем неплохо). Очень хорошо они легли на ватман – приклеил, отошел, как художник Куинджи от полотна «Ночь на Днепре», посмотрел:

текста явно не хватает. А я же еще и поэт. Мне стихи написать – что Рексу двух дембелей отоварить.

Под каждой фоткой подписываю фломастером.
Про баб:

С авоськой женщин от прохода
Гоняет смелый часовой.
А вся рогатая порода
Проходит за его спиной.

Фото: около генштаба в канаве лежит пьяный мужик, гражданский. Стихи:

Совсем недалеко от штаба,
Там, где стоит наглядный щит,
Лицом к забору – к людям задом
Мужчина выпивший лежит.

И дальше – больше. Так я в недостатках поднаторел, что уже устно готов был комиссии докладывать. Ну ладно, поставил последнюю точку, полюбовался.

Жалко, думаю, посмотрит прохожий или какой-никакой китаец и плохо подумает, а ведь и достоинств полно. Вот, к примеру, два месяца назад была жестокая и бескомпромиссная борьба за чистоту. Рекс так и сказал:

– Как увижу окурочку на территории, так сразу его своей рукой и так далее. Короче, хоронить будем.

Не совсем было понятно, кого хоронить, но все равно по тону неприятно.

На следующий день окурочка была сразу найдена Рексом прямо на ступеньках штаба. Хороший окурочка, от «Явы» с фильтром – такой на солдатской кухне целую луковицу стоит. Сразу тревога – свистать всех наверх, а некоторых вниз, построение полка, парадный взвод с оружием. Четыре сержанта держат простыню, посередине лежит многострадальный окурочка, весь полк похоронным шагом (Рекс впереди) выходит в сопки на 4 км и хоронит усопший окурочка под оркестр и выстрелы парадного (он же погребальный) взвода.

Отличные достоинства.

Постоял у «Прожектора» минут 20, труба пропела, – святое, – пошел обедать.

Как потом выяснилось, комиссия прибыла через час, и, хотя половина полка два дня для их банкета грибы в сопках собирала, дальше «Прожектора» не пошла: аккуратно сняли и удалились.

Дня через три сидим с ребятами в каптерке, курим – кто анашу, кто так, всякую дрянь. Разговоры ленивые. «Три П» – Петр Петрович Пунтусов – говорит:

– У нас в Барнауле строго. Вот меня под 8 Марта женщины из нашего барака послали за водкой. Я купил две бутылки, еду обратно на автобусе, бутылки в сетке – все видят; а в автобусе один мой знакомый с приятелем, я схожу, они за мной, здоровые черти: «Петя, дай бутылочку!» Я говорю: «Не, женщины просили». Они: «Мы твоих женщин...» Потом этот приятель хватил у меня сетку, хрясь об землю – одна вкусная и вдребезги. Я: «Вы чего?», – тут мой знакомый как даст мне в рыло и челюсть сломал.

Мы посочувствовали, как могли, спрашиваем: и все? Так и кончилось?

А Петя встает (он приноровился отруби в столовой забирать и в деревню продавать, наверно, уже пора было отруби везти) и пошел, зевнул так жизнеутверждающе:

– Ну почему? Ребятам знакомым сказал...

– Ну и как, набили едало-то?

Петя потянулся, говорит:

– Да не, убили на хуй.

Тут как раз и прибегают:

– Капитан, тебя Рекс сотоварищи ужас как ищут, давай ремень.

Рекс, значит, был подполковник, но требовал чтобы полковником звали. Говорят, раньше, когда учил кого-нибудь из солдат родину любить, то мог свободно дать в курятник или даже ногой пнуть, чтоб служба медом не казалась.

Вот только однажды сунул он одному прапору в зубы, между прочим, выпускнику консерватории, факультета военных дирижеров, руководителю хора жен офицеров, а тот потом по запарке в хоре жене командира дивизии в песне «Красная гвоздика – спутница тревог» вместо первой партии вторую предложил. Тут-то все и открылось. Комдив вызвал Рекса и сказал: «Нехорошо». С тех пор Реекс прямого рукоприкладства избегал.

Но вызовет, бывало, какого-нибудь замудонца к себе в кабинет и начинает: «Я тя своей рукой... враг...» и т. д. А как доведет себя до состояния, что прямо из сапог выпрыгивает, то тут уж хватает за ремень и то об сейф приварит, то об схему трехгодичного победоносного рейда полка от деревни Козловки до пункта N (всего 5 км) – в общем, приятного мало.

Но на каждое командирское действие есть свое солдатское противодействие.

Вот они мне и говорят: «Давай ремень». Я уже все знаю, ремень даю. Ремень солдатский имеет одну особенность: его длину можно менять в зависимости от того, где служишь. К примеру, если хлеборезом, то – ВО, а если кочегаром, то – во.

Вот мне и делают ремень длиной сантиметров тридцать, потом два мордоворота его на мне застегивают и синего, как альпиниста от кислородного голодания при покорении Монблана, ведут под руки к Рексу.

Там на ковре стою, ну ничего не соображаю. Воспринимаются только отдельные слова: родина, 42-й год, моя мать, прожектор, снова моя мать.

Пальцы у него толстые, кулаки, как бочонки, – эх, с каким бы удовольствием он меня по бивням звезданул, но вроде как нельзя, так он хват за ремень. А у меня талия, как у балерины Плисецкой, когда она только что шесть лишних кг сбросила. За ремень-то никак и не ухватишь.

– Вон, – кричит, – отсюдова до утра, а там я тя своей рукой...

Я, конечно, потом подумал как следует, понял, что у него, наверное, неприятности из-за недостатков были. Долго потом совесть мучила, что не дождался комиссии у «Прожектора». Рассказал бы хоть на словах и про достоинства, ну хоть про те же похороны окурка.

.....
Я вот все – анаша, анаша. Не подумайте, что в армии наркоманы все. Просто она, конопля эта самая, прямо на территории росла: Дальний Восток все-таки, – так что идешь с политзанятий, руку протянул и пожалуйста. Гораздо легче, чем любого другого курева достать.

Ее и в газеты заворачивали в виде самокруток, и пыльцу собирали, а однажды Пионер принес из медсанбата трубку клистирную; мы кальян сделали – все честь по чести. Сидишь, как эдакий Турумбайбей, кальян потягиваешь, только одалисок с баядерками и не хватает.

Пионер, между прочим, тоже интересный фрукт был. Сначала-то обыкновенным солдатом обретался, а потом раз отрабатывал отдавание чести начальству и умудрился не то сломать, не то как-то там сложно вывихнуть руку. А накладывал ему гипс такой же болван, как он сам, и загипсовал руку в положении пионерского салюта (типа всегда готов). Получился вылитый пионер – всем солдатам пример.

Больным он считался ходячим, вот и шатался, где ни попадая, – всех приветствовал. Красивое зрелище – правой рукой человек всем салют отдает, а левой анашу курит или там вафли ест, вот до кальяна и додумался – все способнее. Он, вообще, все время вафли ел, где доставал – уму непостижимо, может, из дома присылали?

– Ты, – говорит, – Капитан, осознаешь хотя бы силу вафлей? Вот сколько, к примеру, думаешь, мне лет?

Я прикинул слегка:

– Ну, полтинник.

– Дурак ты, – говорит, – и сволочь...

И пошел с Пшикером курить анашу и вафли есть.

В общем, эти вафли, тьфу черт, ну, анаша эта, вреда большого не приносила, потому как листики сырые, необработанные. К такому куреву и не привыкаешь, а настроение маленько улучшается.

Вот у нас подсобное свинское хозяйство было, так свиньи этой конопли нащиплются, ходят потом, улыбаются.

А один раз анаша даже косвенную пользу принесла в политическом смысле.

Была неподалеку от нас погранзаства. Стояла она от других застав несколько особняком и считалась образцово-показательной. Короче говоря, если на других заставах действительно наши рубежи охраняли, то на этой образцово показывали, как это нужно делать.

Личный состав состоял сплошь из спортсменов-разрядников и здоровяков, а командир был дважды или трижды мастер по разным видам спорта.

Проходил там службу один воин с Украины, которого в образцово-показательные взяли за человеческую красоту и природную силу. Солдаты его со свойственным армии юмором метко прозвали Хохлом.

Парень он был огромный со зверской выправкой, и некоторое время им сдержанно гордился командир, но не разглядел вовремя в нем человека. А человек этот сошелся близко с одним узбеком и ну самозабвенно курить анашу, которую из дома в письмах узбеку брат присылал. Анаша фирменная, узбекская – не чета нашей, и они очень сильно от нее дурели.

Потом узбеку дембель вышел. Грустно им, богатырям, расставаться было. На прощанье накурились «до дерева»; узбек Хохлу тибетейку и запас анаши на шесть месяцев подарил, а тот ему тоже семечек насыпал.

Сильно скучал Хохол без этого узбека. Накурится в хлам и бродит по заставе, как зомби, в дорогой тибетейке и без ремня.

Потом ему этого показалось мало, и начал он тогда всех окружающих бить. Не то чтобы уж очень крепко собратьев по оружию поколачивал, а так уныло как-то: то кому ногу вывихнет, то глаз закроет. Все равно прямому начальству это вроде не понравилось, хотели было под трибунал отдать, а потом думают, зачем сор из избы выносить, показатели портить; пять месяцев оставалось терпеть-то, ну и приставили к нему шесть человек сержантов; как полезет всех бить – они навалятся, скрутят и в каптерку молодца под бушлаты. И спит он там, своего любимого узбека во сне видит.

Мы-то были – полк поддержки пограничников. Это значит, если китайцы через границу попрут, то мы пограничников поддерживаем.

Поэтому нам отцы-командиры старались привить сильную бдительность, и на политзанятиях в большом ходу была леденящая кровь история о том, как коварные китайцы похитили зазевавшегося тракториста и подвергли его зверским пыткам, а потом нагло заявили, что он-де сам перебежал.

Китайцы иногда в пределах прямой видимости (в бинокль, конечно) махали приветственно руками, но знающий замполит сказал, что на китайском языке жестов это означает угрозу, ну, как бы, когда мы друг другу кулак показываем.

Так что я лично китайцев сильно боялся, особенно когда один приятель из батальона связи шутки ради рассчитал, что если гипотетически их пустить через границу в колонну по четыре, а в районе Барнаула поставить пулемет, который будет все время стрелять и их убивать, то все равно они будут идти ВЕЧНО. Очень уж их много.

Но служба службой, а дружба дружбой.

Раза 2 – 3 в год наши пограничники встречались с китайскими дружить.

Осуществлялась дружба в основном на той самой образцово показательной заставе, где последнее время бесчинствовал Хохол.

Делалось это обычно так: китайцы приезжали, человек 30 – 40, тоже, наверно, не простые, а специальные, потому что уж больно раскормленные. Споют свое мяу-мяу, затем наша самодеятельность из выпускников Московской и Ленинградской Консерватории грянет «Полюшко-поле» или «Непобедимая и легендарная», а иногда уж вытаскивался на свет божий такой монстр, как «Русский с китайцем – братья навек», но без слов – инструментально.

Далее следовал совместный обед, естественно, составленный из обычного рациона советского воина: ну, там, фрикасе всякие, почки-соте и бульон с профитролями; затем два часа для общения и возможной дружбы.

Перед каждой такой встречей устраивался инструктаж в том смысле, что плохие китайцы в Пекине сидят, а те, которые приедут, вовсе даже и ничего, а может, среди них и вообще нормальные имеются. Очень важно было это внушить, чтобы наши орлы сгоряча сразу всех не постреляли. Но и переусердствовать тоже нельзя: а ну как целоваться бросятся.

Вот после обеда общение началось. Сидит наш увалень сержант, а китаец ему всякие штуки показывает: вот, мол, воротник – шанхайский барс, а вот нож специальный пограничный – 32 лезвия: и патрон застрявший из патронника выковырять, и операцию на глазу сделать. Смотрел на него наш, смотрел. И показать-то, и похвалиться-то ему нечем. Хотел сначала китайцу в лоб дать для убедительности, потом инструктаж вспомнил.

– Давай, – показывает, – на руках бороться.

Китаец с удовольствием. Раз! И к столу нашу руку припечатал. Сержант губу закусил:

– Давай еще!

Китаец и второй раз его легко уложил – сидит улыбается, сволочь. Вокруг них собираться стали, дело начало принимать политический оборот. Подошел замполит – гиревик и кандидат, пнул сержанта под столом сапожищем, отодвинул.

– Он у нас больной, недоношенный, – говорит по-китайски. Китаец – ничего, понял, опять улыбается, даже поклонился немного.

Замполит, конечно, не то что сержант, за два дня до этого гаубицу об колено на спор согнул. Китайцу-бедолаге несладко пришлось. Целых 6 секунд понадобилось, чтобы замполита завалить.

Командир заставы понял: его черед пришел престиж страны спасать, а то китайцы веселятся, а наши того и гляди затворами защелкают. И дело-то, в сущности, простое, а то ведь как его начальство за замполитову гаубицу ругало, пришлось тут же на месте выпрямлять.

Наши все приободрились, смотрят соколами: сейчас старлей этому покажет.

Что такое?! Китаец опять – бац! – и улыбка до ушей. Видно, приноровился гад к нашей манере.

Старлей запястье потирает, бледный, как полотно, говорит в сторону:

– Хохла сюда, живо.

Притащили Хохла из-под бушлатов. Он со сна ни по-русски, ни по-китайски не понимает; засадили кое-как за стол, он только тюбетейку поправил – хрясь! – и сломал китайцу руку!!! Открытый перелом, даже косточка через рукав вылезла.

Хохол тут же на него кинулся, все норовил совсем руку напрочь оторвать, полумеры его уже никак не устраивали. Ну, отобрали китайца с трудом, утащили Хохла в каптерку, но он еще долго по дороге продолжал всех его волокущих бить. Каков молодец!

Китаец за руку держится, зубами молча скрипит, стойкость азиатскую демонстрирует, но когда узнал, что сержант под шумок ножик у него тот чудный спер, тут уж заорал в голос.

Так анаша помогла Хохлу его подвиг совершить, а стране нашей честь свою не уронить.

Однажды одна очень интеллигентная женщина Александра Алексеевна пришла в гости к другой очень интеллигентной женщине Юлии Леопольдовне.

– Здравствуйте, уважаемая Юлия Леопольдовна!

– Здравствуйте, дорогая Александра Алексеевна! Проходите, пожалуйста, чай только что вскипел.

– Спасибо! – Александра Алексеевна прошла и села к столу, на котором расположились чайник, чашки и несколько вазочек с вареньем.

– Вам вишневого, как всегда? А то вот есть земляничное. Свеженькое.

– Спасибо, дорогая, попробую земляничного.

– Как ваши дела, здоровье?

– Спасибо, хорошо. А ваши? Что от мужа слышно? Как он там?

– Да слава Богу! Основной срок уже отмучился. Не так много осталось.

– Что-то не пойму, много ему ещё сидеть-то?

– Ну вы же знаете. Дали ему два года, вот он год и две недели уже отсидел. Еще чашечку?

– Всё ж не дойдет до меня никак! Ему меньше сейчас осталось, чем он просидел или нет?

Тут Юлия Леопольдовна воровато оглянулась, расправила веером длинные костлявые пальцы и низким утробным голосом произнесла:

– Ну с *горы*, с *горы* покатился хорёк ебáный!

Потихоньку-полегоньку прошло более года, я покатился с горы и из салаги и «фазана» превратился уже почти в «старика» и имел полное право начать систематическую и всепоглощающую подготовку к тому, что для солдата важнее всего, – к дембелю. Не зря под огромным плакатом на плацу «Все, что создано народом, должно быть надежно защищено» прилепилась надпись от руки – «Дембель неизбежен, как крах капитализма» В. И. Ленин.

Подготовка к дембелю заключалась в изготовлении и разрисовке дембельского альбома и в подгонке и придании наиболее молодцеватого вида дембельскому обмундированию.

Все зависело от материальных возможностей и художественного вкуса демобилизуемого.

Обложка альбома, желательно бархатная (вот почему в клубе были вынуждены заменить занавес на тряпочный), обычно украшалась тигриной мордой: все-таки уссурийский край, – а содержание варьировалось в зависимости от фантазии и настроения полкового фотографа, в мое время – прапорщика Антса Аарэ. По примеру своих братьев эстонцев, поднаторевших в европейской культуре, он сделал нечто вроде солдатского фотоателье с декорациями. Он также изготовил из дерева макет автомата, который большинство солдат после присяги и в глаза не видали, покрасил его чернилами, и за два рубля или банку тушенки вы могли послать любимой или друзьям свою фотографию с закатанными рукавами и автоматом. Или благодарственную фотографию мамаше около невразумительного флага, исполняющего обязанности полкового знамени.

В большом ходу была и такая сценка: на фоне сопки воин с автоматом и со зверским выражением лица охраняет рубежи, а вдалеке видны две-три китайские рожи.

Что касается дембельской формы, то это – особый разговор.

Начнем с пилотки. Тут дело сложное. До сих пор ученые всего мира не могут прийти к согласию. Мир разделился на две части, как у писателя Свифта по поводу очистки вареного яйца – на остроконечников и тупоконечников, только в нашем случае – на «затылочников» и «лбешников». «Затылочники» упорно считают, призывая в свидетели военно-морской флот, что наиболее заливчато пилотка сидит на затылке, почти на шее, куда она прибивается специальным гвоздиком, а «лбешники», в свою очередь, предлагают опускать пилотку на нос и в крайнем случае придерживать языком.

Есть еще немногочисленная и всеми презируемая экстремистская партия «височников», рекомендуемая носить убор на ухе, но, как уже говорилось, их всерьез никто не принимает.

Все это относится и к фуражкам, только в фуражку вставляют специальную металлическую конструкцию, с помощью которой тулья в профиль образует почти прямой угол, вызывающий нездоровые ассоциации с немецким рейхом. Звездочка в обоих случаях сгибается под тем же прямым углом.

К такому идеалу стремились почти все защитники Родины, за исключением некоторых воинов-кавказцев, чьи состоятельные родители присылали им на «дембель» заказные фуражки диаметром до полутора метров; злые языки утверждают, что был случай, когда на такой убор сел пограничный вертолет.

Ниже головы у дембеля обычно находится китель, борта которого украшены белым электрическим проводом, бархатом и медными заклепками. Погоны должны были быть маленькими и армированы 3-миллиметровой сталью; из-под правого погона к третьей пуговице должен спускаться аксельбант, свитый из красивой веревки. Некоторые дураки, не сведущие в аксессуарах, перепоясывались аксельбантом на манер портупей, другие засовывали свободный конец в карман, а красавец Пионер, с которого гипс так и не сняли, уехал на «дембель», держа конец аксельбанта в правой пионерской руке.

Хорошо иметь молодцеватую грудь, осмотреть всю ширину которой можно только повернув голову на 180 градусов. Тогда на груди свободно умещается целая коллекция воинских значков. Тут и военный специалист 3, 2 и 1-го классов, и бегун-разрядник, и парашютист-затяжник, и чемпион-стрелок из всех видов оружия, включая торпеды. Приятно освежает наличие значка «Гвардия» и малопонятного «Береги Родину», а при удаче можно рассмотреть притаившегося подмышкой «Донор СССР».

Хороший пример в этом смысле тогда подавал глава нашего государства, поэтому, чтобы заявиться в родной колхоз при «полном параде», значки начинали собирать и выменивать задолго до демобилизации.

Брюки ушивались до состояния колготок, так что стрелки отглаживать было бессмысленно, и они рисовались шариковой ручкой.

К сапогам пришивались вторые голенища, и по длине они были похожи на обувь Фанфана-Тюльпана или певицы Ларисы Долиной; после чего при помощи утюга геометрически сплющивались, укорачиваясь раза в четыре, и мучительно напоминали куплетную гармошку «Концертино».

Прибавим сюда каблучки-рюмочки, кропотливо выточенные холодными дембельскими вечерами из тяжелой армейской резины, алюминиевую ложку с наборной «финской» рукояткой и затейливой военной вязью «Ищи мясо, сука!», а также ремень, свисающий до положения «Покорнейше благодарю», – вот приблизительный собирательный портрет дальневосточного дембеля.

Два раза в год, в начале лета и зимы, полк начинало лихорадить. Приходило пополнение, и уезжали домой отслужившие.

Замполит полка, майор Криворот, доставал из сейфа свою верную, острую, как бритва, саперную лопатку, ладно пристегивал ее к поясу и выходил на свободную охоту.

Ушлые дембеля старались, конечно, ему на глаза не попадаться, шарахались по каптеркам, но майор обладал незаурядным сыскным нюхом и сноровкой, так что его рейды всегда заканчивались успешно.

Происходило примерно так.

Увидев разодетого в пух и, конечно же, в прах красавца-дембеля, майор зычным командирским голосом командовал:

– Воин! Ко мне!

Несчастный уже издали начинал ныть:

– Ну, товарищ майор... два дня до дома осталось. Ну, товарищ майор...

– Я сказал – ко мне, капельдудкин фуев.

Убранство дембеля с аксельбантами и т. д. километров с трех действительно могло напоминать форму военных музыкантов на параде, так что замполит, слабо представлявший себе тонкую разницу между капельдинером и капельмейстером, в охотку щеголял остроумием.

– Три приседания, жи-во!

Место, вообще-то, очень напоминало Гревскую площадь, а сцена – «Утро стрелецкой казни».

Приговоренный делал три приседания, после чего его колготки причудливо рвались по всем швам; а майор гробовым голосом приказывал:

– На колени, – и вынимал лопатку.

Когда я увидел все это в первый раз, мне показалось, что я сплю. Я отчетливо представил, как покатится буйная головушка осужденного, как осядет, повалится вбок обезглавленное тело.

И вот, широко, как профессиональный палач, расставив ноги, замполит высоко поднял лопатку (как принято в таких случаях писать), ярко сверкнувшую на солнце, рубанул на выдохе и... покатались в сторону каблучки, и осело, повалилось вбок голоное, укороченное на 8 см тело.

Каблуки, конечно, подбирались сочувствующими зрителями, а колготочность в брюках вечером восстанавливалась первым попавшимся салагой, и полностью реанимировался лихой дембельский облик.

Ничто и никто, даже товарищ майор Криворот, не может убить в человеке тягу к прекрасному.

.....
Рекс вообще-то крепко уважал себя за красноречие. Обычный вечер смеха – полковое построение.

Стоим в полукаре (это как квадрат с тремя сторонами – четвертую-то дизентерия выкосила), Рекс – в середине.

Ну, как водится, первая шеренга – одни молодые, недавнего призыва воины, и хоть накурившиеся, но одеты всё-таки по форме: в сапогах и воротнички застегнуты. Вторая – уже по полгода прослужили: и стоят посвободнее, и расхлыстаны поболе; третья и четвертая – уже кое-кто без ремней и в кепках. Пятая и шестая – стоять, видимо, не могут, так, в трениках да в кедах, с транзисторами на травке Японию слушают. Рекс неожиданно докладывает:

– Вы – не советские воины, вы – враги. Я таких в 42-м своей рукой к стенке ставил.

Вот дизентерия напала. А почему? Гигиены нету. Вам для чего в частях газеты выписывают, а?! По три-четыре газеты на взвод, а некоторые враги, которых я в 42-м, сами знаете, куда ставил, всё жопу пальцем вытереть норовят, а потом в рот тащат. – И ногой топнул два раза для убедительности.

Я эти дела знаю. Мне этот палец в рот не клади! – И дальше в том же духе выступает.

Смешно, конечно, очень, но ничего, стоим, внимаем.

– Где дисциплина, я вас спрашиваю? Вот позавчера пошли два замудонца по самоволке в Козловку за водкой, я ее в 42-м... А как пошли?! Через танковый полигон, а там новые огнеметы испытывают. Вот убьют такого мудака, а он потом скажет: «Я не знал!...»

В это время к Рексу со спины подходит огромная толстая свинья, их много, обжевавших конопли, у нас шаталось, останавливается метрах в полутора, стоит, слушает зачарованно.

Свинья, надо сказать, отменная: пятак большой, глазки смышленные, хвостик витка три насчитывает.

Хайло-то разинула, с копытца на копытце переминается заинтересованно, по всему видать, очень ей по свинскому сердцу эта рексова речь приходится.

Конечно, уже первые ряды волноваться начали, отдельные всхлипы раздаются, кое-где рыдания сдержанные.

Рекс радуется: настоящее искусство всегда найдет дорогу к сердцу слушателя.

Тут к нашей свинье подходит племенной хряк – матерая ветчина, и, натурально, вступает с ней в половой свинский секс, воспетый в павильонах свиноводства.

Свинина покосилась недовольно: чего, мол, слушать мешаешь? – но ничего, похрюкивает. Ну, чистая свинья! В общем, не очень сильно они этому делу предавались, лениво так, чтобы времени зря не терять.

Тут уже среди воинства закричал кто-то, тонко так, по-звериному; повалились некоторые, а кто до этого лежал, вскочили.

Рекс, наконец, резко повернулся. Он и всегда-то лицом красен был, а тут вообще багровым сделался и дальше менял колер по принципу «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан».

Сказать ничего не может, только тычет толстым пальцем в ближайшего сержанта, а другой рукой в сторону новобранных удаляющие жесты делает.

Молодчага-сержант сразу понял. Подошел, печатая шаг, и как пихнет Джульетту в грудь сапожищем. Они, оскорбленные в своих худших чувствах, опешили, тогда сержант, решивший не останавливаться на достигнутом, по-футбольному оттянул носок и нанес влюбленным такой прицельный «марадоновский» удар, что парочка вылетела с противоположного конца плаца на пять метров впереди собственного визга.

Рекс дух перевел, вытер пот, говорит:

– Молодец!!!

А сержант:

– Служу Советскому Союзу!

Мне на гастролях часто снятся дорогие моему сердцу Пшикер, Хохол, Пионер, старшина Растак, Рекс. И даже прапорщик Митрохин, которого я никогда не видел, но с которым убежала жена старлея Акишина, тоже, видимо, хорошего человека. Но видение двух военных свиней, наверняка уже жестоко съеденных, навеивает неизъяснимую грусть. Тогда я наливаю стакан водки и пью за их светлую память.

Zagranitsa

Курица – не птица...
(Начало поговорки)

1986 год. Наконец-то после стольких лет первая заграница. Польша.

Сначала несколько собеседований. Мы в костюмах и галстуках, начитавшись до одури последних газет и трясась, как абитуриенты при поступлении в институт, по очереди сидим перед комиссией.

Бог знает из кого эта комиссия состояла: из активистов, ветеранов партии, фронтовиков, а иногда и просто примазавшихся бездельников.

Вопросы, вопросы: последняя речь Горбачева, положение на Ближнем Востоке – насколько я знаю, там положение всегда было напряженным, – роль компартии в мировой тусовке.

Правильные ответы определяли вашу потенцию для поездки: а вдруг подойдут в Польше на улице и спросят:

– А какие союзники были у фашистской Германии во Второй мировой войне?

А вы как раз и не знаете. Или:

– В каком году состоялся съезд «победителей»?

А вы говорите:

– Чего-то я не в курсе, – это ж какой позор! Любой поляк может вам тут же в морду плюнуть, и престиж нашей страны упадет донельзя.

Валера Ефремов и наша милая костюмерша Танечка ходили пересдавать, т.к. неточно назвали союзников, остальных Бог миловал.

Особенное внимание уделялось личной жизни выезжающего. К тому моменту я был уже давно разведен, но должен был толково объяснить, по какой причине.

Само собой разумелось, что советский человек если уж создал семью, то обязан ее сохранять, а то опять же вдруг за границей спросят – что тогда?

Было абсолютно ясно, что вопросы о съездах партии и о сложном отношении израильских группировок к палестинскому движению лишь предваряли главный вопрос. О причине развода.

Ну, конечно. Ведь на все остальные вопросы члены комиссии уже более или менее знали правильные ответы, и чисто по-человечески понять их было можно.

Каждый раз у меня бывало сильное искушение свалить все на дуру жену, которая не знает на память «апрельские тезисы», но я вовремя спохватывался, обычно краснел и отвечал, что причины моего развода лежат в области компетенции *медицинских* органов.

Многочисленные взгляды, которыми обменивались члены комиссии, показывали, что это политически самый правильный ответ.

Забыл еще сказать, что всему этому предшествовала принудительно-унизительная проверка здоровья, перед которой меркнет прием в отряд космонавтов.

12 – 14 врачей-специалистов должны были дать заключение, выраженное в общем виде словами «практически здоров».

Мы сначала думали, что это забота государства о нас. Только потом стало ясно, что чиновники страшно боятся за валюту, которую пришлось бы заплатить, случись за границей что-нибудь с нашими зубами или еще с чем.

Мы попытались, правда, совместить «приятное с полезным».

Я, например, после разных кардиограмм попробовал спросить у главного врача, женщины с революционной внешностью и «Беломором» в зубах, ставившей обобщенный диагноз:

– Какие будут ваши рекомендации?

Она подняла от бумаг усталые глаза за толстыми стеклами, перекинула «Беломорину» в другой уголок рта:

– Да на тебе пахать можно!

В общем зубы и другие органы, внушающие подозрение, были вырваны, а мы все оказались «практически здоровы».

Уже перед самой-самой поездкой был еще инструктаж, вернее, собеседование с бойким, веселым гражданином в синей рубашке, который, сидя на столе, свесив одну ногу, поучал:

– Поляки – они как дети. Во время контактов избегайте упоминания фамилии Буденный. Для нас он – герой, а их в 1920 году тысяч двадцать положил. И еще, немцы в 42-м польских офицеров постреляли, а несознательные поляки до сих пор думают про нас. Вопросы есть?

Вопросов нет – «пше прашем».

Мне все эти комиссии и собеседования, которых впоследствии было еще много, напомнили сдачу «Ленинского зачета» на «почтовом ящике», где я работал до армии.

Не знаю уж, кому пришли в голову эти «зачеты», но время было такое, когда годы пятилеток назывались «решающими, определяющими и завершающими», и человек, не сдавший «Ленинский зачет», человеком уже не считался.

Я, будучи (как студент-вечерник) секретарем комсомольской организации, автоматически попадал в комиссию по приему «Лен. зачета»: секретарь партийной организации, предместкома, начальник цеха и я.

Нас специально готовили. Пришли какие-то дядьки и раздали вопросы-ответы.

Например, предместкома выучил назубок вопрос: «А что сейчас по материалам прессы происходит в Иране?» Правильный ответ – «война».

А начальник цеха с третьего раза усвоил, что «вдохновитель и организатор Ленинского комсомола – В. И. Ленин».

И вот в рабочее время заседает комиссия. Заходит здоровенная орысина, ставит рашпиль у стены и замирает в позе «руки в брюки».

Он не первый, и члены комиссии, уже проверившие свои знания три или четыре раза, чувствуют себя вольготно.

– Ну, – обращается к потолку предместкома, – что спросить-то тебя, Савельев? А вот, к примеру, как у нас сейчас дела в Иране? – и смотрит на всех орлом.

Пауза. Несчастный слесарь 6-го разряда, который «заусенцы пальцем снимает», смотрит в пол виновато.

Предместкома победно еще раз всех оглядывает, забыл, что все в курсе (в роль вошел):

– Эх ты, дубина, – война! Ну, Александр Никифорович, – разводит руками предместкома, – может, вы хоть что спросите?

Это неожиданное «вы» сбивает начальника цеха с панталыку: они вообще-то – «Сашка – Колька», – но он собирается, некоторое время размышляет, потом глубокомысленно, с хитринкой:

– Ну вот, хотя бы это: кто явился организатором и вдохновителем Ленинского комсомола?

Бедный Савельев треплет полу своего синего халата. Начальник остальным подмигивает:

– Ну.. ЛЕНИНского комсомола?

Работяга тоже не дурак, понимает, что подсказывают, подобострастно отвечает:

– Дзержинский Ф. Э.

Вмешивается парторг, его в кабинете смежники с коньяком ждут, и говорит мягко:

– А как, Горелов, он у тебя работает?

Начцеха авторитетно:

– Ну... норму выполняет.

Парторг Савельеву:

– Ладно, иди.

Так вот, о Польше... Вообще, эта страна останется в памяти навсегда, как первый поцелуй или первая свадьба. Пусть не самая заграничная «заграница», но зато первая.

Поселили нас сначала в гостинице «Дом клопа» (на самом деле – «Дом хлопа», то есть Дом колхозника), но на торжественном «чае» в нашем посольстве пришлось пожаловаться на неуважение к заслуженному ансамблю, и на следующий день мы въехали в шикарную гостиницу «Форум» с барами и рестораном, где по слухам вечерами происходил (прости господи) стриптиз.

Наконец, бросив чемодан и побрившись с горячей водой, я вышел в город.

Варшава. На каждом углу висят прозрачные ящики для пожертвований на ремонт и благоустройство города, кстати, полные денег. Идет оживленная торговля всем, чем ни попадя, бойкие поляки останавливаются прямо на проезжей части, чтобы обсудить последнее выступление Леха Валенсы.

Обилие машин – в основном иномарок, обилие людей – в основном иностранцев. Только на третий день до нас дошло, что мы сами – иностранцы, и, проезжая по улицам на нашем автобусе, свежее испеченные паны Зайцев, Макаревич и Капитановский уже смело орали из окна проходящим девушкам:

– Эй, красавицы! Идите к нам, к иностранцам!

Кто-то из наших сказал, копируя расхожий газетный штамп: «Типично польский пейзаж».

Было тепло, настроение хорошее, хотелось со всеми общаться.

Я еще в Москве подготовил несколько ловких ответов, могущих сбить с толку самого каверзного поляка, но ни о Буденном, ни о моем разводе никто так и не спросил.

Итак, мы были участниками фестиваля «альтернативной музыки». Фестиваль назывался «Морковка-86», и организаторы любезно пригласили группу из Союза. Только вот в компетентных органах никто точно не знал, что такое «альтернативная музыка», поэтому, чтобы не ударить в грязь лицом, решили все-таки послать «Машину времени».

Мы честно решили доказать всему миру, что можем составить альтернативу любой музыке, но позже эта уверенность была несколько поколеблена другими участниками фестиваля, находящими удовлетворение своих музыкальных амбиций в молчании перед микрофоном, в шуршании бумагой и в показывании голого зада.

Фестиваль проходил в огромном обветшавшем зале довоенной постройки, и первое, что обратило внимание при входе, – это буквально сбивающий с ног запах анаши, которую покупали сидящие на полу и на трибунах зрители.

Выступление «Машины» было запланировано на третий день; и два первых дня мы знакомились с искрометным искусством других участников из Канады, США, Бельгии и т. д.

Выходит на сцену человек с собакой и 20 минут «альтернативно» молчит, или двое молодых людей из Бельгии бродят по сцене, заваленной обоями, постукивают в барабан и раздеваются до пояса снизу.

Может быть все это интересно и здорово, но уж больно непонятно, и мы, воспитанные на Кобзоне и Тухманове, несколько приуныли: что же показать?

Кутиков со свойственной ему прямоотой требовал бросить жребий, кому показать полякам голую задницу, чтобы утереть нос всяким там зарвавшимся бельгийцам и канадцам, но благоразумный Андрей предложил ограничиться песнями.

И что самое интересное: зрители, измученные двухдневным шуршанием и молчанием, благосклонно выслушали «старый, добрый поворот», так что особенно шуршать и не пришлось.

БОЛГАРИЯ

На протяжении уже нескольких лет, как призрак мечты в тумане будущего, всплывала поездка в Америку.

Но, как и Ясону, для того чтобы добыть золотое руно, так и «Машине» для поездки в Штаты, по мнению начальства, нужно было совершить несколько подвигов.

Одним из этих подвигов была очень тяжелая поездка по Болгарии, а так как уже давно над группой дамокловым мечом висели гастроли в Афганистане, то мы и этому были рады.

Ничего особенно страшного в Афганистане не было, но очень не хотелось исполнять роль колхозной бригады.

Одни знакомые артисты, побывавшие там, рассказывали, что их привезли в поле при полном отсутствии электроэнергии и потребовали срочно «ставить концерт», а на робкие возражения, что гитары-то электрические, полковник (наверное, родной брат Рекса) приказал сыграть «как-нибудь так».

Концерт им, конечно, пришлось отложить, но если бы мы попали в такую ситуацию, как-нибудь бы выкрутились. В крайнем случае Директор бы сляпал из подручных средств небольшую электростанцию.

В свое время моя двоюродная сестра, с которой мы вместе росли, вышла замуж за своего сокурсника по Ленинградскому политехническому институту – болгарина. И хотя, как известно, курица – не птица и т.д., у ее отца, морского офицера, были большие неприятности по службе.

С сестрой мы переписывались, и я узнавал о всяких подорожаниях и изменениях в нашей стране примерно за шесть месяцев до фактических событий, т.к. варианты сначала испытывались на Болгарии.

Самым популярным болгарским анекдотом того времени был такой: Тодор Живков на вопрос о том, зачем он в жаркую, солнечную погоду взял с собой зонт, ответил: «В Москве обещали дожди».

Болгарский маршрут был составлен настолько плотно, что свободное время отсутствовало начисто. За 14 дней – 13 городов. Но самое главное – мы везли с собой всю нашу многотонную аппаратуру, и, как всегда, из-за обычной экономии наша техническая группа, обслуживающая «аппарат», поехать не смогла.

Первые дни по старой «андеграундовой» привычке мы все набрасывались на погрузку-разгрузку, но очень скоро выяснилось, что у музыкантов после тяжестей дрожат руки, и конечно, пришлось их освободить.

В очередной раз пример трудового героизма показал Директор, который наплевал на московские связи, и, закатав сто долларовые брюки, с песнями ворочал двухсоткилограммовые колонки. Уже в Москве, похлопывая себя чуть выше ремня, он поделился, что похудел на 8 кг (я думаю, на 2).

Я тоже быстро втянулся, что говорит о хорошей приспособляемости человека, и развлекал потом друзей тем, что разгибал подковы и рвал в клочья металлические рубли.

Распорядок дня был примерно такой:

9.00 – подъем и выезд в следующий город (200 – 400 км);

с 14 до 18 часов – разгрузка, распаковка, установка и настройка аппаратуры и инструментов;

с 18 до 21 (плюс-минус час) – концерт;

далее – разборка, упаковка и погрузка;

около полуночи – освежающий сон в местной гостинице.

В Болгарии «Машина» уже успела прославиться, некоторые песни стали шлягерами, и на первом концерте в Софии группу ждал переаншлаг.

Почти все концертные площадки были открытыми, а надо сказать, что я лично страшно не люблю работать на открытом воздухе, во-первых, потому, что постоянно не хватает мощности, чтобы хорошо озвучить большое пространство, а во-вторых, потому, что у нас с природой сложилось недобрая традиция: почти всегда идет дождь.

Вот и в Софии разверзлись хляби небесные, и на 4-й песне мы, а в основном аппаратура, получили по полной программе: вечером из одного синтезатора вылили несколько литров воды, и он вышел из строя до конца гастролей. Надо было бы воспользоваться «опытом» Живкова и узнать заранее, какова погода в Москве.

Я прикрыл пульт крышкой и собственным телом и со стороны, наверное, был похож на один из фонтанов Петергофа, а когда сидящий рядом болгарский телевизионщик замерил небольшим прибором напряжение на корпусе пульта (220 вольт), стало совсем весело. Телевизионщик в своем дружеском расположении пошел еще дальше и рассказал дико смешную историю о том, как год назад на этой же площадке во время дождя выступала югославская группа и у них погиб звукорежиссер.

Прождав около полутора часов, концерт мы все-таки доиграли на следующий день в закрытом зале. Я вспоминаю об этом в общем-то рядовом случае только потому, что такого вселенского потопа не было ни до, ни после болгарского концерта, и еще потому, что до конца поездки мне пришлось изображать тот самый перегоревший синтезатор, то есть звукоподражать из-за пульта в микрофончик: то шуметь прибором, то петь птичками, то налетать на зрителей порывами свежего летнего ветерка.

В Варне мы с Андреем навестили ночью мою сестру, к которой я собирался девять лет, а в восемь часов утра уже мчались в Бургас.

ГЕРМАНИЯ

Не собираюсь претендовать на точную хронологию, так как, например, в Германии «Машина» была шесть раз, вернее, семь (если считать двухдневную паромную стоянку в г. Любеке), поэтому собираю самые яркие впечатления. Итак, Германия. Точнее, тогда еще ГДР.

Ехали мы туда на поезде.

Насколько сильно «типично польский пейзаж» отличался от нашего, настолько «типично немецкий» – от польского. Неумолимо сказывалась близость западной культуры.

Не хочется писать банальности типа «чистые, опрятные домики, ухоженные садики и т.д.», но что поделаешь, если действительно опрятные и ухоженные.

Германия была первой страной, где мы со всего размаху налетели на языковой барьер. И в Польше, и в Болгарии все хорошо понимали русский, и проблемы практически отсутствовали. Здесь же было очень трудно.

Вообще, знакомство с иностранными языками у большинства людей обычно начинается в школе со стихов про мышку и с вранья про какую-то девочку, у которой «мама – доктор, а папа – рабочий», и у большинства, к сожалению, этим же и заканчивается, если, конечно, человек потом напрямую с языком дела не имеет.

Мои товарищи, да и я сам, учили в школе английский и заслушивались песнями «Битлз» и «Роллинг Стоунз», а они, как известно, если и исполняли что-нибудь на языке «Штирлица и Мюллера», то очень мало.

Так что мы были в основном англо-говорящими, а как мучительно хотелось грохнуть в каком-нибудь баре кружкой об стойку и на безукоризненном «хох дойч» потребовать «повторить» или, на худой конец, толково объяснить заезжему провинциалу, как пройти к Рейхстагу.

Мои познания в немецком ограничивались детскими воспоминаниями об игре «в войну» – «Хальт, хенде хох» – и одним небольшим фильмом про любовь, впоследствии обычно называемым «порнухой». Там баба своему немецкому мужику все время говорила: «Шён! Дас ист фантастиш унд сексуалиш», а один раз даже: «Дас ист апетитлих». Мужик молчал, как пень.

У меня на эти дела память хорошая, вот я в Германии и вворачивал, где надо и где не надо.

А потом выучил «гутен таг» и «варум нихт».

Заходишь, к примеру, в магазин:

– Гутен таг, дас ист фантастиш! – они и радуются, как дети.

Или подходит к тебе на улице морда, говорит что-то долго и затейливо, а ты:

– Варум нихт?! – и пошел...

Чуть позже мне начало казаться, что немцы кроме этих и еще кое-какие слова употребляют.

Однажды зашли с Ефремовым в винный магазин посмотреть, что да как. За нами еще один мужик немецкий. На двери звоночек блякнул, на звоночек из соседнего помещения фрау симпатичная вышла.

Мужик говорит:

– Битте, цвай фляшен.

А фрау ему – пакет. Он ей:

– Данке.

А она ему:

– Битте.

И оба улыбаются.

Мы с Валеркой стоим, делаем вид, что каждый день по несколько раз такое видим.

Потом фрау к нам с длинной речью обратилась: дескать, чего надо?

Мы ей для солидности:

– Цвай фляшен.

Она подает две пузатые бутылки водки.

Пришлось денег дать. Зато на следующий день опять зашли посмотреть, а она сразу спрашивает:

– Цвай фляшен?

А мы думаем – чего уж тут:

– Цвай фляшен, – и все дела!

Очень здорово обошелся с немецким языком Валера Сюткин, который тоже в ГДР тогда присутствовал. Перед самым отъездом из Союза он купил где-то русско-немецкий разговорник. Потом оказалось, что разговорник к Олимпиаде выпущен. То есть: со спортивным уклоном. Мы как-то приходим в бар втроем и показываем бармену знаками – наливай, мол, сволочь. Он делает вид, что не понимает и продолжает стаканы протирать. Сюткин достал разговорник, долго туда смотрел, потом по складам сказал что-то. Бармен оживился, тут же налил не только нам, но и себе. Мы выпили. Валера еще раз ту же фразу повторил. Мы опять все вместе выпили. Расплатились, а бармен нам еще долго махал полотенцем на прощанье. Я потом у Валеры-то спросил, что за волшебная фраза. Он ткнул пальцем, а там написано: «Вы участвуете в эстафете «Четыре по сто?»»

В один из дней фестиваля (а это был опять фестиваль) по плану было посещение немецкой семьи.

К этому посещению все сильно готовились.

Немцы за два месяца до нашего прибытия у себя конкурс провели, кому такую честь оказать.

Надо было, чтобы из семьи кто-нибудь по-русски хоть чуть-чуть говорил, да и вообще, чтобы жили справно и могли перед высокими советскими гостями себя достойно оказать. И еще было у меня сильное подозрение, что у них комиссии тоже предшествовали (ГДР же – недалеко от нас ушли); я даже представил себе такой вопрос:

– А скажите-ка нам, герр Тиман, какого числа в сентябре 1939 года мы на Польшу напали? Не знаете? Стыдно, а вдруг русские спросят.

Короче, построили нас в одну шеренгу: часть – из «Машины», часть – из других коллективов (в этом фестивале наших много участвовало). Хозяева ходят, выбирают. Очень похоже на картинку из учебника истории «Рабовладельческий рынок в Риме».

Я размечтался одному дядьке красномордому понравиться, вертелся перед ним так и сяк, но он выбрал бабищу из Красноярского хора (их первых расхватали), а меня, как неликвид, подобрали совсем уж какие-то невзрачные.

Ну, ничего, квартира у них 4 комнатная, семья из пяти человек. За мной, оказывается, сыновья приходили, а папаша с мамашей дома готовились. У папаши лицо тоже довольно красное – я уж тут приободрился.

Нас-то до этого учили не плевать, где попало, и в скатерть не сморкаться, так что я – ни-ни, за весь вечер так нигде и не плюнул.

Оказалось, по-русски никто не понимает, как уж они отборочные туры прошли – не знаю.

Сажает за стол – честь по чести. Я собрал в кулак весь свой немецкий и заявляю:

– Дас ист фантастиш унд апетитлих!

Мама чуть со стула не упала от неожиданности.

Хорошо сидим. Действительно, все очень вкусно.

Через некоторое время взрослые сыновья и сама фрау начали проявлять признаки беспокойства. Пробовали пихать локтями папашу Гюнтера и пинать его под столом ногами. Нако-

нец, он достает фотографию Горбачева и бутылку шнапса (а это был у нас самый разгар анти-алкогольной вакханалии) и делает такую вопросительную рожу, что мое решительное «Варум ниht» прозвучало достаточно убедительно.

Тут начался полный «фройндшафт», а когда Гюнтер разошелся и рассказал на пальцах, как его учили гопака танцевать, я смеялся добрых пять минут. Правда, было это в плену, ну да все равно.

Расставались мы со слезами. Они меня проводили и подарили на прощанье вымпел и книжку с пейзажами Германии, а я им – значок Ленина. В общем, все хорошо было, а на обратном пути попал я в автобус к «белоголовкам», к тому самому Красноярскому хору. У них женская часть ансамбля должна была быть исключительно блондинками (брюнетки, соответственно, перекрашивались), отсюда и прозвище такое – «белоголовки».

Большинство из девушек тоже побывало в гостях, и два с половиной часа я наслаждался такими матерными частушками, что любо-дорого. Самая невинная было такая:

Я купила колбасу
И в карман положила.
Чем-то эта колбаса
Меня растревожила.

Я потом часто пел эту частушку знакомым девушкам. Реакция была самая разная: до 1988 года частушка вызывала улыбку, а позже (включая 1992 год) – легкое недоверие, переходящее в злобу.

В конце поездки побывали в Берлине, посмотрели тамошние достопримечательности: монумент нашего воина с девочкой на руках в Трептов-парке, красивую улицу Унтер-ден-Линден, поляков, приезжающих на субботу – воскресенье торговать темными очками и помадой, и конечно же, знаменитую Берлинскую стену.

Совершенно дикое ощущение – знать, что буквально в 20 метрах от тебя проистекает какая-то другая, разноцветная загадочная жизнь, от которой тебя охраняют пулеметы.

Западные немцы – тоже не дураки – никогда не упускали случая показать, «как у вас и как у нас».

В те дни совсем рядом со стеной, на ступенях Рейхстага, они устроили грандиозный рок-концерт с участием европейских знаменитостей. И если за высокой стеной не было ничего видно, то слышно было очень хорошо.

Самая предприимчивая восточная молодежь забиралась на ближайшие здания и заглядывала через стену. Другие молодые люди просто слушали неподалеку и смотрели на этот глухой бетонный забор, пока он не рухнул под их испепеляющими взглядами в 90 году, чему мы были почти свидетелями.

Это была так называемая поездка «по войскам», то есть концерты для наших военных, дислоцирующихся в ГДР.

.....

Осень 1990 года. Немцы со страшной силой собираются объединяться. В городах, на улицах и в домах атмосфера надвигающегося праздника, ожидание чего-то небывалого, такого, о чем еще два-три года назад невозможно было и помыслить.

Неизбежные проблемы и трудности придут позже, а сейчас – настроение победы и радости.

Так, наверное, чувствовали себя мои родители в мае 1945 года, так чувствовал себя я 23 – 24 августа 91-го.

Мы вообще довольно часто раньше выступали перед солдатами, а в Таманской и Кантемировской дивизиях – так просто регулярно, но дисциплина и порядок в наших частях в Гер-

мании были просто поразительными. Живописные военные городки, добротная еда, денежное содержание в марках – все это накладывало особый заграничный отпечаток.

Западники, собравшись объединяться с восточниками, пошли очень далеко: тут и обмен марок один к одному, и замена товаров в магазинах, и выдача разных субсидий.

Все это коснулось и наших военных. Так, например, в Военном универмаге в одну ночь товары производства ГДР были заменены на западногерманские, а зарплата солдат и офицеров стала автоматически выплачивается в бундесмарках.

Конечно, объединение Германий предусматривало полный вывод советских войск, который должен был быть осуществлен поэтапно до 1994 года.

Наши военные разделились на два лагеря: на уезжающих скоро и на остающихся на сладких хлебах еще на какое-то время.

Согласитесь, что возможность, даже для рядового солдата, привезти со службы видеомагнитофон или японский телевизор чего-то стоит. Тут, кстати, и выяснился секрет дисциплины и порядка: в обычной армии за разного рода нарушения полагаются наряды, гауптвахта, дисбат, а в Германии без разговоров отправляли дослуживать обратно в Союз, что, по мнению солдат, было хуже любого дисбата.

Даже в зале во время концертов была заметна дифференциация. Отъезжающие инстинктивно садились вместе и реагировали на музыку более бурно, как в последний раз.

Жили мы там в военных гостиницах, а иногда в свободных казармах, а однажды пришлось ночевать даже в изоляторе. Состав был такой: Директор, Подгородецкий, Ефремов и я.

Петя Подгородецкий, как все жизнерадостные полные люди, во сне заливался могучим храпом и имел в коллективе по этому поводу особые привилегии, как-то: отдельное помещение в гостинице и даже отдельную каюту на пароходе.

В этот раз такой возможности не было, и мы готовились к бессонной ночи.

Ефремов хмуро собирал около койки свою и чужую обувь, намереваясь использовать ее в качестве метательных антихраповых снарядов, и смущенный Петька, который храпит не по злобе, а от природной радости, предложил пополнить арсенал своими кроссовками.

Наш Директор, неистощимый кладезь различных полезных и бесполезных сведений, посмеялся над наивными предосторожностями и прочитал нам целую лекцию о том, что с древних времен люди борются с храпом при помощи свиста. Оказывается, еще фараоны, услышав храп раба, сначала легонько посвистывали, а уж потом рубили гаду голову.

Я позволил себе пару критических замечаний, но Директор поклялся ужасной клятвой Гиппократы и забожился на фуфел, что мы сейчас сами всё увидим. Несколько успокоенные, мы потушили свет.

Петр включился почти сразу, но на средней громкости, так что если напрячься, можно было услышать стук падающей обуви. Когда кончились снаряды, Петька уже почти вышел на рабочий режим. Волшебный Директор похихикал торжествующе и стал насвистывать особым образом – так, наверное, проклятый преступник подзывал змею в рассказе Конан Дойля «Пестрая лента». Петька наддал еще. Тут Директор залился таким паровозным свистом, что будь я Соловьем-разбойником, сразу бы пристал с вопросом, где он учился!

Наконец, Петр Иванович достиг обычного уровня, и хотелось броситься к окну и пересчитать тяжелые танки, которые там вроде бы проходят.

Директор все еще свистел, но все хорошее, к сожалению, быстро кончается. Его свист начал постепенно ослабевать, потом перешел в легкое постанывание и затем в тяжелый мужской храп уставшего гражданского человека.

Петька от неожиданности затих, видимо, прислушиваясь, облегченно вздохнул и радостно захрапел опять.

Уже под утро, вдоволь насладившись молодецкими звуками в стереорежиме, я вспомнил хороший солдатский способ – накинуть на морду храпящему военную портянку, но ни у Ефремова, ни у меня портянки к сожалению не нашлось.

После очередного концерта командиры той части, где мы работали, подошли поблагодарить и, хитро посмеиваясь и подмигивая, предложили отужинать «чем бог послал».

Мы, конечно, после обычной сухомятки с радостью согласились.

Небольшой толпой с главным командиром впереди пошли по темному плацу, инстинктивно стараясь идти «в ногу», а жизнерадостный Директор все время забежал вперед и пытался накладывать взыскания на тех, кто недостаточно пропечатывал шаг. Наконец, все остановились около освещенной двери с надписью «Столовая». Командир, стоя к двери спиной, произнес небольшую речь, в том смысле, что очень приятно, и театральным жестом распахнул створки.

Мы вошли в небольшое помещение с П-образным столом, перед которым помещался маленький солдатский оркестр, грянувший в ту же секунду музыку.

Если бы дело происходило в XIX веке и мы были бы купцами, а оркестр – цыганами, то прозвучало бы, наверное: «К нам приехал, к нам приехал ансамбль московский дорогой!» А тут они играли всего-навсего «Чардаш» композитора Витторио Монти (1868—1922). Вернее, «Чардаш» играл скрипач, а два электрических гитариста и барабанщик ему подыгрывали.

Скрипачом был молоденький узбек, и держал он своего «Страдивари» очень странно – по-турумбайски, то есть вертикально, как контрабас. Мы расселись.

Руководил столом командир полка, ему очень нравилась роль хлебосольного хозяина, и надо сказать, у него хорошо получалось.

Обстановка была теплая и дружеская. На столе теснились немецкие мясные закуски, овощи, пиво и даже кое-что покрепче. Звучали тосты и здравицы в честь вечной и непоколебимой дружбы между «Машиной времени» и контингентом Советских войск в Германии.

Потом пошли обычные военные вопросы: «Каковы ваши дальнейшие творческие планы?» и «Вот вы поете, играете, а по жизни работаете где?»

Оркестр к этому времени уже закончил пятую интерпретацию «Чардаша» и ожидал знака командира, чтобы поразить наш слух в шестой раз.

Напрашивался скучный вывод, что репертуар ансамбля дальше «Чардаша» не простирается или что командир полка – попросту скрытый венгр и дает выход своим националистическим настроениям.

Пришлось срочно сделать несколько комплиментов исполнителям и дать хорошую оценку меценатству командира, не дающего солдатам зарывать в землю свои таланты.

Особенно все наши хвалили скрипача, способного сыграть виртуозную пьесу пять раз подряд и готового еще бог знает на что.

Командир, очень довольный своим статусом «слуги царю и отца солдатам», поднял тост за творчество и сказал, что у кого-кого, а у него в полку талант никогда не пропадет, и что в то время, когда другие воины котлы чистили, он лично выделял талантливому узбеку по часу в неделю для занятий на скрипке, после чего тот, видимо, и выучил «Чардаш» В. Монти.

Было ясно, что наш меценат очень гордится своим узбеком, как помещик Троекуров борзыми щенками, и, была бы его воля, оставил бы несчастного «Паганини» на сверхсрочную.

– Вы обратите внимание, как он скрипку держит, – говорил командир, любовно поглядывая на скрипача. – Вам-то, гитаристам, не понять. Скрипку же обычно под подбородок суют. Но для этого нужна особая подушечка... Ну, давайте-ка еще раз за музыку... Так вот, дурак прапорщик, которого я в Ташкент к узбекской матери послал, привез две пуховые подушки, поэтому наш Туфганделиев теперь так без настоящей подушечки и играет... А ну, давай-ка

за майора выпьем, большого специалиста в своем майорском деле. Это ведь он организовал вам возможность вкусить с нашего скудного солдатского пайка.

Выпили за майора, вкусили «с пайка». Командир спрашивает:

– Ну, как вам наша жратва? У нас так каждый солдат питается.

Мы, конечно, одобрили. Командир осмотрелся победоносно, но, видимо, в глазах Директора, вкушавшего в это время твердый немецкий «сервелат», увидел легкое недоверие.

– Что, не верите?! Лёнь, – говорит майору, – приведи какого-нибудь.

Через пять минут майор привел низкорослого испуганного солдата. Командир уже успел поднять тосты за Джорджа Вашингтона, Джорджа Харрисона и Боя Джорджа и не совсем понял, зачем ему этот воин, но на всякий случай сказал:

– Что, попался?!

Было очень жаль ни в чем не повинного рядового, и мы со всех сторон начали кричать, что очень верим в роскошное разнообразие солдатского меню.

– А-а, точно, вспомнил, – вскричал командир, – тут вот некоторые не верят, что ты каждый день все это ешь. Ведь ешь ведь? Ведь да?

Солдатик, пожиривший глазами жареную курицу, проглотил слюну и равнодушно ответил:

– Так точно, товарищ полковник.

Товарищ полковник торжествующе посмотрел почему-то на майора и указал солдату на свободный стул:

– Вижу, любишь своего командира, садись вот, поешь, только смотри у меня, морда, не пей!

Потом налил себе рюмку, махнул рукой:

– Да ладно, пей!

Чуть попозже сослуживцы увели командира к жене, а мы с Директором не покладая ног забились в огненном «Чардаше».

Чем дальше мы забирались в глубь Германии, тем теплее и радушнее был прием. Почти каждый послеконцертный ужин превращался в настоящий банкет. Конечно, приезд группы вносил свежую струю в скучноватую все-таки повседневность военных городков, и все получали обоюдное удовольствие от вечернего общения.

Причем на каждом банкете обязательно задавался вопрос: «А где вы вчера выступали? Ах, у саперов, ну и как вас принимали-кормили?»

Мы сначала-то благодарили и говорили, что очень все было хорошо, но, видя искреннее разочарование добрых офицеров, стали отвечать так: «Ну, вчера, честно говоря, было так себе, зато сегодня просто потрясающе».

И чем меньше мы восторгались предыдущей частью, тем большее удовольствие читалось на открытых, мужественных лицах наших теперешних хозяев.

Роль гостя вообще довольно трудна, а особенно у военных: попробуй-ка объясни, что ты с ног падаешь от усталости и мечтаешь только до койки добраться, и это людям, которые аж неделю готовились к встрече. Поначалу мы стойко выдерживали тосты, не отличающиеся разнообразием («За „Машину времени“, на которой мы все росли»), но после того, как однажды поднялся уже крепко поддавший седой пятидесятилетний полковник, провозгласивший: «За „Машину времени“, под которую я с детства развивался и выросел», – было решено изменить регламент.

В последующие вечера первым вставал Андрей, коротко упоминавший о том, что все присутствующие родились и, видимо, умрут под «Машину времени», затем благодарил хозяев,

которые угощали нас значительно лучше, чем в предыдущем месте. Этим он совершенно выбивал почву из-под последующих тостов. Пить обычно бывало уже не за что, и мы скромно ужинали и валились спать.

Конечно, каждый офицер гордился и хвалил именно то подразделение, где он сейчас служит. Нам везде показывали всякие достопримечательности. В летном полку показали дом, где до и во время войны жил Геринг. Из подвала этого дома, оказывается, шел подземный ход аж до Берлина (то есть километров двести). На следующий день в танковой дивизии словоохотливый лейтенант, указывая на небольшое аккуратное озерцо, поведал, что через сложнейшую инженерную систему подземных озер фашистская подводная лодка, не всплывая на поверхность, могла прийти прямо до Рейхстага.

У ракетчиков показали дыру в земле, откуда начиналось подземное шоссе с четырехрядным движением до Берлина, а от саперов до Берлина можно было доехать подземным поездом.

В любой части можно было смело обратиться к первому встречному с вопросом, как раньше можно было скрытно добраться до Берлина, и тебя тут же вели показывать.

Я только диву давался от хитрости и изобретательности фашистских инженеров. И все ведь это было построено для того, чтобы немецкая верхушка могла в последний момент свалить из осажденного города – кто на поезде, кто на четырех машинах в ряд, а кто и на подводной лодке.

Вот только как это они не предусмотрели, наверное, Штирлиц поработал, ведь выходы-то из всех этих подземно-подводных туннелей оказались прямо посередине различных советских воинских частей.

Наконец наступило 3 октября – день воссоединения. Уже с утра за пределами военного городка раздавались выстрелы петард и слышалась музыка духовых оркестров.

Караулы в наших частях были удвоены, а выход в город категорически запрещен: боялись провокаций.

Нам тоже не рекомендовали шлаться среди немцев, занятых воссоединением. Но как упустить такое событие?

Поближе к вечеру, изнуренные ощущением своей непричастности к этому празднику жизни, мы втроем решили все-таки прогуляться. Двое молодых офицеров, – Володя и Слава, – взялись нас сопровождать.

Собирались очень ответственно, как разведчики на задание. Скрупулезно проверялись одежда и обувь: не выдаст ли наше советское происхождение. Слава и Володя, одетые, естественно, в гражданское, профессионально порекомендовали сдать Директору ордена и документы, что и было сделано.

Теперь наша группа имела совершенно заграничный вид, правда, некоторое опасение внушали одинаковые короткие прически офицеров, но Слава сказал, что это не страшно, т.к. в Германии тоже дураков полно.

Переговариваться было решено с помощью пальцев, по глухо-немецки, дабы немцы нас по родному языку не признали и на радостях не убили.

Пробравшись сквозь дыру, имеющуюся в любой уважающей себя ограде, наша пятерка по-пластунски пересекла темный переулок и короткими перебежками бросилась в сторону оживленной улицы.

И вот на обширную, залитую огнями площадь вышли пятеро «немцев». Володька со Славкой изображали восточных, а мы – западных. Все держались за руки и через каждые 10 метров начинали молча остервенело брататься, чем сразу вызвали нездоровое любопытство окружающих.

Вокруг нас начала собираться небольшая толпа, которая неуклонно росла.

Испуганный Андрей начал нервно насвистывать гитлеровский марш «Хорст вессель», а я вырвал у рядом стоящей девушки цветок и со словами «Дас ист фантастиш» грубо подарил его Славке. Не знаю уж, что он потом с ним сделал.

Ситуацию разрядила врезавшаяся в толпу тележка со шнапсом и закусками, которой управлял не по-немецки пьяный мудель, и мы, схватив (читай «хватив») по стакану, благополучно разбрелись по площади.

Проходящий духовой оркестр оттеснил свободолюбивых офицеров, а мы, закаленные правилами поведения советских людей за границей, продолжали держаться настороженной злобной группкой.

Тележки с бесплатным шнапсом попадались все чаще и чаще, и через некоторое время мы уже свободно беседовали друг с другом на чистом немецком языке.

Вдалеке мелькали немецкие офицеры Славка и Володька, тоже, видимо, находившиеся в мультфильмовском состоянии «Щас спою». Наконец, Вова, чей голос и музыкальный слух были получше, не выдержал напора и затянул: «Выходила на берег Катрина, на высокий, дас ист бережок».

Вокруг них мгновенно сомкнулось кольцо. Помочь мы им ничем не могли – пора было уносить ноги, но я, как Тарас Бульба, тайком присутствовавший на казни сына, решил все-таки пробраться поближе, чтобы рассказать потомкам об их героическом поведении.

«Русиш, русиш» – слышалось кругом, потом толпа взревела, поднаперла, и несколько дюжих здоровяков уже схватили несчастных.

Боже, как их качали! Они подлетали в воздух то вместе, то поодиночке; Володька ухитрялся вытягиваться в полете и отдавать всем честь, а Слава просто орал победную боевую песнь без слов.

Потом их отпустили и, отягощенных подарками и шнапсом, на случившейся машине с эскортом доставили прямо к той самой дырке в заборе, к которой и мы приплелись через полчаса усталые, но довольные.

Уезжали мы от наших военных убежденные в полной боеготовности частей. Поездка оказалась интересной: удалось и других как следует посмотреть, и себя сильно показать.

Провожать нас пришли наши боевые товарищи – оберлейтенанты Володя и Слава, а когда проходящий по плацу батальон в сто луженых глоток рванул «Новый поворот», у всех навернулись слезы.

Было немного грустно за остающихся. В скором времени им предстояло сменить уже ставшие привычными порядок и комфорт на неизвестность, ожидавшую их в Союзе.

Ворота за нами закрывал солдат, хладнокровно евший банан, шкуркой от которого он еще долго махал вслед нашему автобусу.

Запретный плод

Здравствуйте, дорогой нетерпеливый читатель!

Добро пожаловать в эту книжку!

Всю свою жизнь я терпеть не мог всяческих запретов и старался по возможности их нарушать, особенно когда это почти ничем не грозило.

И если вы не утерпели и сразу «вышли» на эту главку, значит, мы с вами родственные души, которые искали друг друга долгие годы.

Когда я был маленьким, моя очень добрая, но малограмотная бабушка попыталась как-то наказать меня, поставив в угол и запретив думать о медведе. Надо ли говорить, как я мучился!?

Так давайте с вами думать о «медведе», давайте не будем мучиться сами и постараемся не мучить других!

Конечно, найдутся люди, которые покорно дочитают до этого места с самого начала, подчинившись запрещению или не обратив на него внимания. В любом случае, я уважаю и люблю вас всех за то, что вы обзавелись этой книжкой и предоставили мне великолепную возможность познакомиться с вами поближе.

Дорогой читатель, разрешите дать вам несколько «несоветов» по пользованию этим произведением.

Обратите внимание – ничего не запрещается. Так что нет нужды тут же все делать наоборот тогда, когда можно этого и не делать.

Я вам НЕ СОВЕТУЮ: читать эту книжку в метро, автобусах, такси, а также барах, ресторанах и других общественных местах. Постарайтесь по возможности остаться с ней наедине.

НЕ СОВЕТУЮ: использовать ее в виде подставки под чайник, для записи телефонов, на самокрутки и в туалетном смысле.

А также НЕ СОВЕТУЮ: «прочтя, передать товарищу», – товарищу желательно настойчиво порекомендовать купить себе такую же, так как каждый отдельный экземпляр должен безраздельно принадлежать только одному человеку и быть ему другом до конца дней.

Хотя всем этим несоветам можно и не следовать, а поступать с книжкой как вам заблагорассудится – лишь бы она принесла вам какую-либо ощутимую пользу.

А теперь, когда мы немного познакомились, я прошу у вас прощения за этот маленький фокус и приглашаю одних вернуться на первые страницы, других – просто продолжить чтение.

Из жизни жаб

Вообще, у меня обостренное чувство справедливости, в просторечии почему-то называемое «жабой». Хочу, к примеру, шапку купить, но как бы дороговато, – тогда не покупаю. Ну чего я буду покупать, если мне дорого. А вокруг все говорят, вот, мол, «ЖАБА ЗАДУШИЛА». И наверное, чем дороже предмет, тем и жаба больше.

На шариковую ручку денег пожалеешь, значит, маленькая жабка лапками к горлу подбирается, щекочет, а вот уж если на зимнее пальто или на подарок к дню рождения, тогда точно бойся: матерая жабища навалится и задушит насмерть. Я с этим «чувством справедливости» давно веду борьбу, трех или четырех жаб сам задушил, а одну загрыз зубами, но все равно опасаться надо: с нашими ценами да инфляцией за каждым углом они поджидают и с каждым днем все здоровее и толще.

Но наши родные жабы все-таки ни в какое сравнение не идут с иностранными, валютными. За границей жабы нас прямо на вокзале и в аэропорту встречают, даже у пароходных сходней бычатыся. За все почти семьдесят пять лет советской власти, чем больше рубль от инвалюты отрывался, тем сильнее жабы ихние матерели и скалились.

Приплыли как-то в немецкий город Любек. Мы с моим одним приятелем в город решили выйти, жабу подразнить. Он мне до этого рассказывал, что какие-то родственники умоляли его комбинезончик детский купить и игрушек. Вот идем, присматриваемся. Порт-то на окраине находится, а двигаемся мы по направлению к центру. Идем, естественно, пешком, транспортную жабу успокаиваем. Чем ближе к центру, тем магазины больше и богаче, а товары разнообразнее и соответственно дороже. Наконец, первый детский магазин. Мой товарищ, а он немножко плохо видит, подходит к витрине близко-близко, таращится туда и что-то бормочет. Ну, это-то мне понятно, что происходит – за десять метров слышно, как у него в мозгу щелкает – ясно: пересчитывает цены с марок на рубли. Я смотрю: из-за угла жабка высунулась небольшая еще такая, но плотная и мордастая. Пасть разинула, прислушивается.

Мой друг подсчеты закончил.

– Отдохнут! – говорит. Это, надо думать, по поводу родственников.

Я со страхом за жабой наблюдаю: вроде ничего, покрутила башкой и назад усунулась, наверно, упрыгала переводчика искать, жабка-то немецкая.

Вздыхнул облегченно, дальше идем. Через пять минут еще магазин, побогаче. Около него уже пара жаб околачивается – ждут клиентов. Друг-то их не видит, все его внимание витриной поглощено. А цены – еще выше, а жабы – еще крупнее.

Я на всякий случай поближе подошел, слабые места у врагов высматриваю. А он опять пошептал, фыркнул возмущенно:

– Умоются! Пошли, Максик.

Жабы посмотрели друг на друга: «Вас ист дас, нихт ферштейн», – но на всякий случай за нами потащились. А мы уже к этому времени почти до центра дошли, прямо перед нами роскошный детский магазин. Около него урна такая красивая, что я сигареты почти целой не пожалел: чего урне зря пропадать, – да промахнулся, но вдруг слышу: чмок – из-за урны жабка давешняя выскочила, ням окурков на лету. Видно, перевел ей уже кто-то, вот она и караулит.

Только я собрался приятеля предупредить, а он уже у витрины ногами топает – совсем забыл про осторожность:

– Отсосут, – кричит, – на фуй...

Вот тут-то они все втроем на него и кинулись. Я даже не заметил, как та сладкая парочка подтянулась. С ног его сбили, навалились и душат, душат. Но у нас как принято? Сам погибай, а товарища выручай. Я, значит, где стоял, так оттуда в гущу их толпы и прыгнул. Они его

облепили – не оторвать, он уж глазки закатил, бедный. Говорить, конечно, не может, только руку левую просунул, какие-то знаки ей делает.

Смотрю, а в руке-то 5 марок зажаты. Надо сказать, что в экстремальных ситуациях у меня голова здорово соображает. Я деньги схватил и шмелём в магазин. Заскочил, глаза разбежались, но вот оно, красное пластмассовое, ровно 5 марок стоит. Я его, это красное, хватъ, продавщица даже «Данке» не успела сказать. Выбегаю и прямо с порога, как матрос Железняк последнюю гранату, кинул эту игрушку в самый их жабий клубок.

Они сначала-то не заметили, сильно душением увлечены были, потом присмотрелись оценивающе и, нехотя, отвалились одна за другой.

Товарищ мой лежит бездыханный, я ему поделал искусственное дыхание – ничего не помогает. Стал тогда делать «рот в рот», лицо у него порозовело.

Тут туристы наши идут:

– Смотри, Миш, педика паршивые места другого найти не могли, тьфу...

– Да нет. Та, что сверху, с хвостом, – это ж баба. Просто у их здесь свободная любовь.

Я поднялся, говорю:

– А ну пошли к ёбаной матери!

– Вот видишь, Миш, мужик это все-таки, а по-русски как чешет – даром что с хвостом.

Я опять говорю:

– Вали, вали, а то сейчас поцелую.

Тут уж они стремглав бросились, а за ними целая свора жаб поскакала с нашей троицей во главе. Мой товарищ уже встал, держит красную игрушку в руках, рассматривает. Я подошел, жду благодарности за спасение жизни. Какое там!

– Ты что, за 5 марок ничего получше найти не мог, что это такое, вообще, – какая-то красная херовина. Да что я с ней делать-то буду?

– Родственникам подаришь, да и какая разница – тебя ж чуть не задушили, радуйся.

– Какая разница, какая разница! – продолжает он кипятиться. – Пять марок псу под хвост. Ты знаешь, сколько это на рубли будет?

– Во-первых, не псу под хвост, а жабам, во-вторых, вон видишь, две остановились, прислушиваются. И не просто остановились, а окаменели, потому что такого жлобства на своем веку еще не видали. А вот сейчас как опомнятся да позовут своих со всего города, тогда узнаешь, где зимуют раки, омары и другая членистоногая сволочь.

– А и правда, – он говорит, – очень даже неплохая игрушка. Пойдем, Максик, скоро вроде обед.

Мы все на будущее этот его опыт хорошо усвоили. Вслух уже ничего не говорим. Нужно, например, выяснить у товарища сколько вещь стоит? Спрашиваешь. Тебе показывают один палец (но не средний) – значит первый вариант: отдохнут. Два пальца – второй вариант: умоются, три пальца...

Сразу становится ясно и понятно, и все довольные расходятся по своим делам.

Вот однажды Подгородецкий принес на репетицию кроссовки – посоветоваться.

– Мне, – говорит, – купить предлагают за столько-то.

Мы все дружно:

– Третий вариант!

– Вау! Дык, они же надувные, и шнурки у них натуральные.

Мы посмотрели:

– Ну, это совсем другое дело. Тогда – первый.

Такие-то вот дела. Только – ТССС! – жабы обо всем об этом никак узнать не должны.

Худшая песня

...мне в четверг обещали билеты в пятницу принести на субботу на «Воскресенье».
(Разговор двух фанов в метро)

Недавно я присутствовал на сольном концерте Андрея и лишний раз поразился образности его стихов. Как он ухитряется укладывать объемную, насыщенную образами мысль в одно коротенькое четверостишие?!

Я много раз баловался стихиками, посвященными дням рождения разных своих приятелей, и достиг в этом определенных успехов. Стали приглашать уже совсем малознакомые. Правда, меня частенько заносит, и деньрожденцы после моих поздравлений, бывает, не разговаривают со мной неделями, а пару раз пытались бить.

Написал однажды одному лоботрясу добротное поздравление. Ну, как водится, приложил его фигурально раз восемнадцать, выявил некоторые его «достоинства». Очень стихи ему понравились, он их везде с собой носил и всем показывал. И вот пригласил один раз к себе девушку на предмет «поматросить и бросить». Она, дура, пошла. Он ей сначала все на словах вкручивал, какой он клевый да классный, а потом решил совсем добить – дал стихи те почитать, а сам пока в ванную пошел к своей кошачьей свадьбе готовиться. Она первые три куплета прочитала – и давай бог ноги. Ума хватило. Причем след ее при этом совершенно простыл.

Я даже некоторое время сдержанно гордился очевидной пользой от своих трудов, но по большому счету это было все-таки несерьезно.

Мне все время не хватало того, что Чехов называл сестрою таланта, – краткости, хотя братишка ее все-таки присутствовал.

Придумую какой-нибудь остроумный оборот, а потом размазываю его на пять куплетов, разжевываю в кашу – все боюсь, что не поймут. Вот этот комплекс, эта дурацкая боязнь быть непонятым и мешает больше всего.

Но самое главное – это вымученность. Как только чувствуешь, что не стихи ведут тебя, а ты их сидишь и придумываешь, так надо тут же бросать это дело. Кто-то из умных сказал: «Стихи можно писать только тогда, когда их НЕЛЬЗЯ не писать» (так и хотелось подписать: «Ленин»).

Я много раз видел, как где-нибудь в темном холодном автобусе во время длинного переезда Андрей, который может спать в любом месте и в любое время, вдруг поднимал голову, наощупь находил свой очередной толстый блокнот и записывал, буквально не открывая глаз, строчку или две.

Вот так рождается большинство его песен, от которых потом стонет полстраны. Они рождаются САМИ.

Несколько лет назад, когда «Машина» еще состояла при Росконцерте, какое-то тогдашнее начальство настоятельно порекомендовало Макару написать к готовящемуся юбилею по случаю победы над ФРГ пламенную песню.

Он потом сам рассказывал, что честно пытался, ничего не вышло: очень трудно писать по приказу, да еще о том чего сам не пережил. Самое интересное, что месяца через три песня все-таки была написана, но получилась оно САМА. И какая песня! «Я не видел войны – я родился значительно позже...» – одна из самых честных и лучших. Года три она украшала концерт, в общем-то, рок-музыки, и ни один растрепанный фан не крикнул в это время: «Поворот» давай».

Шикарную песню Андрей написал и для документального фильма о фронтовых кинооператорах, тоже пропустив ее по-настоящему через себя – так уж он работает. Прозрачные, чистые образы – каждый раз думаешь: как же это я сам не додумался?

И чем проще и доходчивей была песня, тем с более парадоксальной страстью народ бросался ее толковать. Конечно, было это во время информационного голода и застоя, сказывалась жажда свежего воздуха, и, когда его не было, люди пытались его придумать.

.....
Шел Андрей Макаревич как-то по улице во время дождя. Небо серенькое, дождик тоже какой-то ненастоящий, настроение – так себе. В общем, довольно неважно все. Придумалась песенка о том, что вот, мол, – дождик, небо – серенькое, все – так себе.

Не песенка, а баловство, разминка ума. Она и не игралась практически, а народ все равно узнал.

Это было время, когда «Машину» с удовольствием, достойным лучшего применения, долбали все кому не лень. Только что прогремела ураганная статья «Рагу из синей птицы», подписанная целой дюжиной сибирских деятелей культуры, больше половины из которых, как потом выяснилось, на тех концертах в Красноярске вообще не бывали, а просто выполняли чье-то указание. Не хочется даже кратко пересказывать: отвращение охватывает. В общем, статья плохая. Помещение редакции «Комсомолки», напечатавшей этот пасквиль, было завалено злобными ответными письмами в защиту группы.

В очередной раз «Машина» обрела мученический венец и статус борца за свободу. Уже тогда говорили, что песни Макаревича даже не двусмысленные, а «трехсмысленные». И тут появляется песня про дождик...

Народ не обманешь! И ежу понятно – песня про Сталина.

– Про какого Сталина, про Хрущева! – кричали другие. Третьи молчали, снисходительно улыбаясь: чего с дураками спорить. Ведь совершенно ясно: песня про Брежнева.

Ожидавшиеся после выступления «Комсомольской правды» ужасающие репрессии не последовали, что-то там у них не сработало, налаженный механизм засбоил, но зато группу стали душить худсоветами.

Почти перед каждой поездкой или незначительным обновлением репертуара устраивалась «сдача программы».

Обставлялось это все помпезно: в огромном зале на полном комплекте аппаратуры со светом и дымом артисты за полтора часа в сотый раз должны были доказать свое право выступать перед зрителями. А в зале находилось человек десять – пятнадцать – комиссия. Затем в специальной комнате с бутербродами и «Фантой» (боюсь, что и не только «Фантой») происходила комедия обсуждения. Допускались туда из наших только А. В. Макаревич и В. И. Директор, остальные в волнении топтались в местах для курения. Насколько я помню, ничего конкретного не говорилось. Расплывчатые формулировки «подработать», «обратить внимание» и т. д.

Позже они усовершенствовали тактику, увеличив комиссию до сорока и более членов. Тогда, сославшись на отсутствие кворума, можно было спокойно перенести прослушивание на недельку-другую вперед. Причем об этом сообщалось почему-то уже после концерта. Наверно, посчитаться заранее было трудновато (ой, это я себя три раза посчитал), а солнечное искусство «Машины» благотворно влияло на математические способности – тут-то все и выяснялось.

Наконец, партия и правительство начали проявлять нетерпение: есть такая группа «Машина времени» или нет, может она выступать перед широкими трудящимися массами или не может она выступать перед широкими трудящимися массами?

Нам конкретный ответ требовался не меньше, чем правительству, но получить его было крайне трудно. Время было смутное: уже пробивались первые ростки если не демократии, то хотя бы здравого смысла, и за решительное «нет» можно было получить по шапке так же, как и за решительное «да».

Наша тактика сводилась к тому, чтобы любыми средствами обеспечить стопроцентную явку комиссии на прослушивание. Их же задача состояла в том, чтобы всеми правдами и неправдами избежать пугающего конкретного ответа, а значит, кворума не допускать.

Мы распределили членов комиссии по количеству своих и приятельских автомобилей, чтобы организовать доставку туда-обратно и устранить хотя бы одну из причин неявки – транспортную. Но аппаратные игры оказались куда интересней, чем предполагалось. Члены были разбиты по ареалам обитания. Я обслуживал «куст» Сокол – Хорошевское шоссе. Сначала нужно было позвонить, дома ли, а то стоишь потом, целуешь закрытую дверь, а он с той стороны дышит. Ладно. Звоню:

– Здравствуйте, Зураб Моисеич! Это имярек Капитановский. Через 20 минут буду у вас.

– Зачем?

– Сегодня же двенадцатое, «Машину времени» слушать и одобрять.

– Не помню я чего-то. А кто будет?

– Все.

– А кто все? А Крапивин, а Одоровская, а Слепак?

– Да все, все. Одоровская сказала, если Зураб будет – приду.

– А я буду? А я-то, наверно, и не буду, я только что ногу сломал.

Так мне эту гадость надоело вспоминать, прямо тьфу! Да что там говорить! Где они все сейчас? Слепак этот, Зураб Моисеев сын, Одоровская? Кто их помнит?

А великолепная «Машина времени» свой двадцатипятилетний юбилей справляла на Красной площади, между прочим. И с этого момента закончилась история площади как символа эпохи темного советского царства.

Не все, конечно, тогда так уныло было. С некоторых пор группа стала иногда неожиданные подарки получать: то афиши быстро напечатают, то костюмы приличные пошьют. Дело в том, что бывшие юные поклонники «Машины» как-то незаметно подросли, а некоторые из них за ум взялись и большими начальниками заделались. Вот и помогали по старой памяти, чем могли.

Пришел однажды Андрей на прием к чуть ли не замминистра дела группы обсудить. Тот из-за стола встал, руку подал:

– Присаживайтесь, пожалуйста, дорогой Андрей Вадимович, какие проблемы? Я, – говорит, – помню, как мы с ребятами на ваш концерт по трубе лазали. Если вы по поводу аппаратуры, так я в три секунды все подпишу.

И действительно, все вопросы решил и подписал. Потом до дверей провожать пошел и спрашивает:

– Ну, а вообще, как оно, ничего?

Андрей поблагодарил, конечно, говорит:

– Спасибо, да все нормально, только шьют мне политический подтекст к простейшим песенкам. Глупость какая!

– Это про дождик, что ли? Ха-ха-ха! Дураки какие! Да вы вниманья не обращайтесь, мало ли. Идите спокойно, творите, радуйте нас своими песнями.

Затем вспомнил что-то, оглянулся, дверь притворил и спрашивает:

– Ну, между нами, все-таки про кого? Про Гитлера или про Сталина?

Часто спрашивают: почему у «Машины» нет практически песен про любовь? Андрей считает, что, наоборот, все его песни о любви. Ведь он трактует это понятие значительно шире, нежели просто отношения, связывающие мужчину и женщину.

И еще, я думаю, любовь – это настолько интимное дело, что кричать о ней «под фанеру» во Дворце спорта где-нибудь в Епидопельске по крайней мере бестактно.

Чудовищный шквал третьесортных песенок про «я тебя люблю» не только прививает дурной вкус, но и опошляет само чувство.

Конечно, глупо было бы требовать от поп-культуры доверительной любовной лирики, с которой обращаются к читателю хорошие поэты, ведь и обращаются они «один на один», а не к десятитысячной аудитории, но уж хотя бы можно было воздержаться от откровенного хамства и пошлости.

Однажды, будучи сильно влюблен, я попытался всерьез написать хорошие, добрые стихи о своих переживаниях. Мечтал вложить в них всю душу. Создать нетленное произведение. Старался изо всех сил целую неделю, но душу вложить так и не удалось. Все получалась какая-то пресная жвачка, и так я эти красивые слова замусолил и залапал, что и сама моя любовь к той девушке прошла, превратившись в стойкое отвращение.

Долго я мучился от собственной бездарности. Как же так, ведь все у меня было: и переживания, и нежность, и кое-какая страсть, – а лучшая песня всех времен и народов так и не вышла.

Но мы не привыкли отступать – так, кажется, пелось в ныне уже покойном киножурнале «Хочу все знать». Коль у меня не получилась лучшая песня, попробую-ка написать самую худшую.

Если вы думаете, что написать худшую песню проще простого, вы глубоко заблуждаетесь. Оказалось, гораздо труднее, чем я ожидал. Для начала пришлось себя представить лопухим болваном, мучающим композиторов безумными текстами, вжиться покрепче в этот образ. Это-то мне удалось без труда. Достаточно было дня три кряду посмотреть телевизионные музыкальные программы и купить пиджак в крупную полоску. Затем по всем правилам я должен был на последние деньги приобрести подержанную пишущую машинку или по крайней мере обзавестись парой толстых поэтических тетрадей. Выбрал второй вариант (по жабьему принципу). Дальше уже все как по маслу покатило: придумал «либретто», за каких-то два месяца при помощи силлабо-тонического стихосложения облек его в поэзию, отшлифовал по углам, подбил бабки, спустил на тормозах на мягких лапах, провентилировал вопрос, посмотрел на мир широко открытыми глазами, вызвал на ковер и изящно переписал одноцветной шариковой ручкой. Получился вот такой шедевр:

Солнышко светит, цветочки цветут,
девичьи глазки мне спать не дают,
брови – дугою и нежный овал
крепко мне в душу однажды запал,
и белый свет мне не мил уже стал.

Больше не стану я выпить нигде
и подниму я успехи в труде,
первым в работе стараюсь я стать,
станешь тогда ты меня замечать
и свиданья свои мне обещать.

Радуга в небе и птички поют,
двое влюбленных по травке пойдут —
я твою руку возьму в свой кулак,
светят мне губы твои, как маяк,
будет с тобой у нас счастье – ништяк, вот так.

Стану хвалить я одежду твою,
скажешь тогда ты мне робко «люблю»,

будет счастливая наша семья,
вместе поедem в другие края,
потому что люблю тебя я.

Вот примерно в таком разрезе, а особенно, как я считаю, удался припев:

Дождик капелью стучится: кап-кап, —
купим с тобою мы плательный шкаф,
поезд колесами дробит: тук-тук, —
ты – мне друг и я – тебе тоже друг.

Причем в первоначальных вариантах вместо «купим с тобою...» было «стану ходить за тобой как араб», но, твердо решив воздержаться от политики и национального вопроса, я переделал на бесполоый «шкап».

Полюбовался на произведение, представил, как поет его какой-нибудь серьезный певец в сопровождении оркестра, и так мне стало приятно – прямо кайф. Уж так плохо написано, что очень хорошо. Кайф наоборот.

Мне еще в армии узбек один рассказывал анекдот: «Жил-был один пастух. Курил анашу с самого рождения. Курил анашу с самого первого утра и до тридцати семи лет. И, видимо, к ней привык. А потом в день своего тридцатисемилетия встал с утра и хотел покурить, а анаши-то и нет, кончилась вся. Послал он вниз в деревню мальчишку, а тот вернулся только под вечер. Таким образом, пастух впервые за тридцать семь лет целый день не курил. И такой от этого словил кайф! Кайф наоборот».

Итак, закончил я творческий процесс, отпечатал в трех экземплярах, название придумал залихватское «Песнь о любви» и побежал всем показывать. Однако настоящего искрометного успеха не имел: «Слабовато, – говорят, – а местами не в размер». И никто ведь не сказал: «Козлиная ты рожа!»

Я, честно говоря, такой критики не ожидал. Обескуражился. А меня утешают: «Ладно уж, не расстраивайся – бывает хуже».

Как же, думаю, хуже? Опять не получилось? Еще раз перечитал – хуже некуда. Расстроился по-настоящему: ни хрена из меня не получается. Но я упрямый, это дело сразу не бросил.

Работали мы в одном концерте с композитором, автором нашумевших шлягеров «Вишневая метель» и «Татьянин день», в общем, с Мигулей. Сидит он как-то у рояля между концертами, что-то наигрывает, тут я к нему со своим эпохальным и подкатился. «Вот, – говорю, – Володя, текст не посмотрите?» Он видит, что я не с улицы, а вроде как при артистах, поэтому сразу-то не погнался. После первых двух строчек его перекорежило всего. Я обрадовался, но скрываю. Он взял пару аккордов и говорит: «Как-то у вас тут с размером – не того». Я его горячо заверил, что в одну секунду подработать могу, только бы музыка была хорошая (на самом-то деле я над размером целый месяц бился, все старался, чтоб погадостнее вышло).

В общем, он еще некоторое время попел, страдая, мой «шлягер», потом говорит: «Ладно, вы мне экземпляр оставьте, я на досуге подумаю и вам сообщу».

Так все-таки настоящего торжества и не получилось. Понимаете, не было у меня стопроцентной уверенности, что песня худшая. А когда я по телевидению услышал: «Плэйбой – клевый такой, мой милый бэйби, одет, как денди, с тобой я – леди, я так люблю тебя», – меня охватила черная зависть и окончательно стало ясно: не в свои сани не садись. И я бросил это дело.

Хотите верьте, хотите проверьте,
Сегодня я из-за всяких дел
Был ненароком в Росконцерте,

Нога на ногу в коридоре сидел.
Вот бежит в пиджачке – брови в нитку,
Невысокий, лет шестьдесят – не поймешь,
Очки роговые, глаза навскидку,
Обувь – платформа, брюки – клеш.
Что он думает себе? Не знаю,
Хоть и пиджак его из-за границ,
Сколько таких вот, как он, встречаю
Здесь, в вестибюле забытых лиц.
Аккомпанировал раньше певице,
Фельетончики пошлые со сцены читал,
Теперь рассуждает о силе традиций,
О том, соберет ли «Машина» зал.
Шибко они тут все деловые,
Необходимость свою ощущают вполне,
Коридором сквозь дыма клубы густые
Идут, все заботятся обо мне.
Сколько таких учреждений разбросано,
Сколько курящих там трудится дам!
Артисты! Играйте, по вашим вопросам
Давно уж написан бумажный хлам.
Сюда бы сейчас побольше дуста,
И взять бы швабру, вычистить грязь.
Всё хорошо, вот только искусство
Плачет, страдает, криком зайдясь.

Почти В. В. Маяковский
(Впечатления от разового посещения Росконцерта)

ПЫЛЕСОС

*«...И пусть ястребы Тель-Авива дышат в кислородные подушки
Вашингтона».
(из радиопередачи)*

Я всегда очень верил нашим газетам, радио и телевидению. Вот по радио говорят: «Невесело поют нынче соловьи в Булонском лесу» – значит, невесело. Весело соловьи могут петь только в Нескучном саду.

Наши вообще очень удачно всегда долбали капиталистическую границу. И слова были изобретены специальные: мир чистогана, город желтого дьявола (это на золото намекают, которое у нас-то никто не любит), желтая – она же продажная – пресса.

Очень хорошо и красиво можно было сыграть на противопоставлениях: у нас – «просто раскинулись жилые микрорайоны», у них – «дома теснятся в каменных джунглях»; у нас – «счастливо трудятся», у них – «изнывают под гнетом»; у нас – «с каждым годом растет благосостояние трудящихся», они – «прозябают в нищете»; мы – «живем», они – «ютятся» или чего-то там «влачат», кажется, «свое жалкое существование».

Еще с раннего детства хорошо помню такой шедевр газетной карикатуры. На портрете изображен тогдашний секретарь Организации Объединенных Наций. Под портретом надпись – Даг Хаммаршельд. Около портрета стоят двое рабочих в комбинезонах и с молотками (видимо, во время обеда). И один говорит другому: «Смотри, пишется Даг, а читается наоборот». Вот так – просто и элегантно – проклятый гад Хаммаршельд.

И даже совсем недавно в одной из центральных газет после огромной статьи о наших очередных победах я под рубрикой «За рубежом» увидел такие строки: «Этой зимой в США от холода погибло более 854 человек».

От какого, к чертовой матери, холода?! Что, прямо на улице замерзли или простудились, а потом слегли? А точно ли более 854 или все-таки менее?

А специальная «плохая» музыка? Многие, наверное, помнят киножурнал «Иностранная кинохроника», который можно было смотреть без дикторского текста и с закрытыми глазами. Сначала шла веселая «траляляшная» музыка. Это значило, что в Венгрии вошел в строй новый комбинат, потом звучали минорные аккорды – ну точно землетрясение в Англии или женский хор рвет душу – открываешь глаза: американские рабочие влачат...

Всю жизнь в конце декабря я слышал: «В обстановке крайней напряженности встречают нынче на Западе Новый год».

Видали, как? Нынче, – в течение десятков лет, а все – нынче.

На протяжении долгого времени дня за три до «Нового года» я усаживался перед телевизором, чтобы не упустить момент, когда Запад, находящийся постоянно в обстановке крайней напряженности, наконец-то лопнет. Но этого почему-то не происходило.

Позже у меня появился видеомагнитофон, и я стал записывать особенно выдающиеся «шедевры» дикторского искусства. Я подчеркиваю, именно дикторского. Так как сами по себе демонстрируемые сюжеты совершенно невинны.

Судите сами. На экране изображается одна из центральных улиц какого-то западного города. От дома к дому протянуты пышные гирлянды. Улыбающиеся прохожие, отягощенные красочными пакетами, спешат по своим делам; сверкают разноцветными огнями празднично украшенные витрины.

Дикторский текст: «Ничто не напоминает нынче (опять нынче) в Лондоне о Новом годе».

Ну, конечно же, ничто; ведь за границей праздники не празднуют, а стараются «хотя бы ненадолго отвлечься от повседневных проблем».

Следующий сюжет. Показывается ирландская группа «Ю-Ту», выступающая в небольшом клубе, а затем улыбающаяся женщина, которая моет окно.

Текст: «Не сразу пришел успех к молодым талантливым музыкантам. Раньше они играли в рабочих кварталах, но не всем повезло так, как им, – некоторые вынуждены сами зарабатывать себе на хлеб». («Некоторые» – это, наверно, про бабу и окно.)

И последнее. В Нью-Йорке – рождественская неделя, кругом клоуны, «Микки-Маусы». На углу стоит веселый Дед Мороз, останавливает каждого прохожего, поздравляет и вручает маленький пакетик. Люди разворачивают, и многие сильно радуются.

Диктор (с нескрываемым презрением и уничтожающим сарказмом): «А вот и американский Дед Мороз – Санта-Клаус, но он дарит прохожим далеко не подарки, а всего лишь лотерейные билеты. Немногие выиграют в эту новогоднюю лотерею».

Вскоре нашим средствам массовой информации стало как-то уже не до лотерейных билетов Санта-Клауса, и я боюсь (к моей радости), что моя видеокolleкция телесюжетов так и останется неполной. Нет-нет, да и прозвучат иногда слова «влачат» и «прозябают», но относится это уже не к Западу, а к нам, что, в общем-то, не так уж и смешно.

Все это довольно длинное вступление к рассказу о пребывании «Машины» в США в 1988 году призвано показать, какими примерно сведениями, почерпнутыми из газет, ЦТ и т.д., я располагал об «их жизни и нравах» перед поездкой в эту страну.

Нет, я, конечно, не уподоблялся «мистерам Твистерам», считающим, что по Москве медведи бродят, но был искренне удивлен, не увидев на каждом шагу в Штатах горящих крестов Ку-клукс-клана и валяющихся где ни попадя бездомных, которые «вынуждены сами зарабатывать себе на хлеб».

Если говорить серьезно, то мы действительно знали и знаем об Америке гораздо больше, нежели американцы о нас. Мы ведь черпали информацию из видеофильмов, из музыкальных программ, а они – в основном от своей «желтой прессы».

Раньше по инициативе наших газет неоднократно проводились интервью со случайными людьми в центре Москвы и Нью-Йорка. И что же?

Наш бравый рабочий-комсомолец толково объяснил въедливым американским корреспондентам территориально-политическое деление США и климатические особенности различных зон, а ненароком попавшийся нашим журналистам в Нью-Йорке болван профессор из 15 республик назвал только три: Москву, Сибирь и Волгу. Что и говорит о высоком культурном уровне среднего советского человека, каким я себя и считаю.

А чего?! Однажды Макаревич с Кутиковым и Ефремовым сели и за пять минут на спор записали на бумажке почти 48 из 50 американских штатов, а когда Сашка Зайцев вспомнил, что американские деньги называются не долларами, а «баксами», то все решили, что он свободно может поработать пару лет гидом-переводчиком где-нибудь в Алабаме.

И вот «Машина времени», усиленная для концертной убедительности Александром Борисовичем Градским, летит на «Боинге» в Штаты.

Летим мы на «Марш мира», по инициативе Комитета защиты мира. От кого собирался защищать мир этот комитет – от нас или от американцев, – я точно не знаю.

Самолет прибыл в Нью-Йорк, где мне бывший москвич Миша через решетку передал 134 мятых доллара (все, что смог собрать), потом мы аккуратно пересели на лос-анджелесский рейс и около полуночи по местному времени, слегка замученные долгой дорогой и неизвестностью, растопырились в зале прилета аэропорта Лос-Анджелеса, штат Калифорния.

Как всегда, никто из нас точно не знал, будут ли встречать, дадут ли суточные и когда придется «мирно маршировать» – прямо сейчас или все-таки немножечко попозже?

Через некоторое время ловкие шоферы в серой форме растащили по длинным лимузинам прилетевших бизнесменов, и мы остались в зале одни, не считая очень бойкой и симпатичной

тичной девицы, с небольшой табличкой «HARD-ROCK» в руках. Девушка пританцовывала, вертела головой и, беспрестанно улыбаясь, энергично разгоняла табличкой и без того кондиционированный воздух.

Убедившись лишней раз, что кроме нее и нас никого в зале нет, и бросив взгляд на длинные прически Кутикова и Градского, она решительно подошла и с ужасающим техасским акцентом осведомилась, не выдали часом мы тут где-нибудь группу из Москвы? А мы-то как раз и выдали.

Девушку звали Маделина, она позвала лохматого босого парня Тома, мы загрузили вещи в грузовичок, сели в две машины и по ночной прохладе приехали в чудный дом Маделины на берегу океана.

Еще в этом доме жил непрописанным ее друг Лэни, которого за странный рычащий голос пришлось тут же прозвать Тайгером, то есть тигром.

Они позвонили, заказали пиццу; потом пришли еще несколько друзей, а мы тоже достали разные московские припасы и стали с ними со всеми очень сильно дружить.

Андрей спел под гитару несколько песен в стиле «кантри», была открыта пара баночек икры, а наш Директор, не говоривший по-английски, выразил свою признательность гостеприимным хозяевам тем, что не сходя с места, в уголку, быстро выиграл у Тигра сто с лишним «баксов» в карты, неосмотрительно оставленные тем на виду.

Директор сильно гордился своим выигрышем, и стоило больших усилий упротить его проиграть деньги назад.

К середине ночи обстановка была такая приятная и свободная, как где-нибудь в Малаховке под Москвой.

Два следующих дня мы провели на пляже и вообще всячески красиво отдыхая, посещая маленькие пляжные магазинчики и соседей Маделины, которые проявили к «этим странным, но веселым русским» неподдельный интерес.

Было жарко, кое у кого «сгорели» плечи, а Саша Градский купил себе красивую шапочку с приделанными к козырьку небольшими ручками и веревочкой. Если дернуть за веревочку, то ручки делали жест, который американцы называют «Fuck off». Дергал он за веревочку часто, несложный механизм быстро сломался, и руки застыли в постоянном жесте, который уже нельзя было ни отменить, ни изменить. Шапочку пришлось снять.

Мы, конечно, не забыли, зачем сюда приехали, и с интервалом в семь минут пытались интересоваться, где сейчас «Марш мира» и как бы нам к нему незаметно примкнуть, а также задавали всякие робкие вопросы по поводу «суточных».

Несчастные Маделина и Тигр смущенно переглядывались, наконец выдали нам долларов по двадцать, чтоб мы себе ни в чем не отказывали.

День на четвертый выяснилась одна любопытная деталь: наши милые хозяева ни о каком «марше» и не слыхали, а просто узнали от каких-то знакомых, что должны приехать русские музыканты, после чего, испытывая здоровый интерес к нашей стране, решили их принять и поближе познакомиться.

Было не очень-то ловко, но вскоре мы-таки нашли этот «Марш мира», а он – нас, и историческая справедливость была восстановлена.

Михаил Шуфутинский был руководителем ансамбля «Лейся, песня» до 1979 года. Руководителем хорошим – в меру жестким, в меру демократичным. Миша закончил дирижерско-хоровое отделение консерватории и очень хорошо поставил в ансамбле вокал. Отношения были нормальные, коллектив был на подъеме, и ничто не предвещало скорого расставания с руководителем.

Как-то на гастролях я зашел вечером к нему в номер. Миша говорил по телефону с Москвой, и я стал рассеянно перебирать газеты и книги на его тумбочке в надежде найти какой-нибудь детективчик на ночь – и нашел. Книжечка называлась «Овцеводство в Австралии» и содержала ряд интересных сведений о численности и популяциях бараньего поголовья в этой далекой стране.

Так у меня зародилось жуткое подозрение, что Шуфутинский уезжает.

Кстати о самом слове «уезжать»: в те времена этот глагол не требовал дополнения. Не надо было уточнять, куда и зачем. Если говорили, что кто-то *уезжает*, то всем было совершенно ясно, что конкретный товарищ навсегда покидает Советский Союз ради Израиля, США или Австралии. У Миши с Австралией не сложилось, потому что как раз в тот период австралийцы ввели для эмигрантов возрастной ценз, по которому он с семьей не проходил. Но тогда он еще об этом не знал и на всякий случай интересовался овцеводством.

Через пару месяцев Шу, – так его звали друзья, – собрал собрание и объявил о своем решении уволиться. Все были в шоке. Такого еще не бывало; был прецедент, когда целый ансамбль «Самоцветы» ушел от руководителя, но наоборот...

Миша объяснил, что он очень устал от поездок, что не имеет возможности посвящать достаточно времени семье, и извинился перед всеми за то, что он, видимо, вынужден будет объявить нас перед руководством подонками и бездельниками для убедительной причины увольнения.

Мы, обалдевшие, дали полное согласие считать нас кем угодно, а руководство реагировало однозначно, тут же предложив разогнать к чертовой матери зарвавшуюся сволочь, но Миша настоял на своем и уволился один.

Он поступил очень мудро и честно, потому что даже через полтора года, когда он уехал, не имея к «Лейся, песня» никакого отношения, у ансамбля были большие неприятности: размагнитченные фонограммы, отмененные съемки, несостоявшиеся гастроли.

Где-то году в 84-м, уже в «Машине», после концерта я вошел в наш «Икарус» и, усевшись, услышал из водительского магнитофона развеселую музыку про Брайтон-бич, небоскребы и т. д. – голос был совершенно незнакомый.

Водитель сказал, что это – какой-то Чухатинский, последний писк эмигрантского творчества.

Я никак не мог себе представить, что это поет Миша, так как еще в «Лейся, песня» он никогда не пел и, раздавая партии вокалистам, всегда предпочитал сыграть мелодию на рояле. Слух у него был отличный, но что-то не то с дикцией, и он даже немного этого стеснялся.

А тут прямо соловьем разливается. Оказалось, что все-таки Шуфутинский. Видимо, это в «Нескучном саду» соловьи не поют, а в «Булонском лесу» поют, да еще как весело!

На протяжении этих лет я слышал, что Миша был сначала в Нью-Йорке, потом переехал в Лос-Анджелес, и у него там какое-то дело, связанное с рестораном: не то у него ресторан, не то он часто туда ходит. Но адреса не было, а повидаться очень хотелось: вот, мол, я в Америке, и не сбежал, а так – захотел и приехал.

Как-то, идя по улице, спрашиваю Маделину, не знает ли она такого Шуфутинского? Маделина, жуя резинку, улыбаясь, постреливая глазами и не забывая качать бедрами, подбежала к телефону-автомату, схватила и сунула мне толстенный справочник. Открываю и между мистерами Шмуцем и Шутцем коричневым по розовому написано: мистер Шуфутинский.

Я позвонил ему, разговаривал с женой, которая меня не узнала, и выяснил, что мистер Миша будет сегодня вечером в ресторане «Атаман», который, собственно, ему и принадлежит.

Ребята все взволновались: некоторые тоже знали Шуфутинского еще по Союзу, а другие – просто от возможности сходить в Америке в ресторан.

Я уже упоминал, что разговаривать с Маделиной было бы трудно, даже если бы она говорила не по-английски, а по-русски, но с такой же пулеметной скоростью и ковбойским акцентом; поэтому приходилось отшаркиваться многозначительным «о, кей».

Кое-как договорились, что она заедет за нами в 6 часов на своей широченной шаланде и отвезет в «Атаман».

Все «почистили перышки» и приоделись во все чистое, чтобы предстать перед «владельцем заводов, газет, пароходов» во всем блеске. Градский долго возился с механизмом шапочки, потом плюнул и надел ради разнообразия не черную, а белую рубашку.

Где-то в половине восьмого я уже стал сильно нервничать, потому что Маделина, хотя и была женщиной, но все-таки старалась не опаздывать более чем на час – значит что-то случилось.

Так оно и было. Вскоре она позвонила (переводил Лэни-Тайгер) и рассказала, «что у машины не было номера, а полиция спрашивает, а машина принадлежит одному другу, а друг уехал неизвестно куда, а полиция машину забрала, а она теперь без машины, а в общем, все о, кей, и через 10 минут она будет».

Действительно, минут через десять Маделина явилась на новом «мустанге», мы погрузились и поехали.

Поинтересовались, у кого она взяла эту тачку, и есть ли на нее документы? Ответ был такой:

– Все есть, все о, кей. Я ее по дороге купила.

«Атаман» был просторным рестораном, специализирующимся на французской и русской кухне. Оркестр только что закончил очередную песню, и Миша с радиомикрофоном спускался с эстрады в зал под аплодисменты русско-французского стола.

Я вышел прямо к эстраде, и сюрприз был так сюрприз. Меньше всех, кого он ожидал увидеть, так это меня. Он расчувствовался до слез, я тоже.

Больше того, многие присутствующие сразу узнали Макаревича и Градского, подходили, жали руки, но им сразу было объяснено, что мы приехали не насовсем, а на гастроли.

Вечер прошел чудесно.

На следующий день Миша катал нас по Лос-Анджелесу на своем «Мерседесе», у которого на номере вместо цифр написано «Атаман». Проезжали мимо его дома в самом престижном районе города – Беверли-Хиллз. Подумать только! Еще недавно я смотрел интересный видеофильм «Полицейский из Беверли-Хиллз», а тут сам разъезжаю.

Миша небрежно вел машину и рассказывал, рассказывал... О том, как трудно в ресторане без официальной лицензии на алкоголь, о том, что заключил контракт с телохранителями, которые должны защищать его даже против его воли. Тут вот какая тонкость. Если подойдут к Мише незаметно преступники, приставят пистолет и прикажут отослать телохранителей, то те никуда не уйдут, если только сами не захотят.

В конце экскурсии Шуфутинский все-таки спохватился, что уж очень круто взял, и сказал, что жилье очень дорого, поэтому он не может себе позволить в этом миллионерском районе целый дом, а только пятикомнатную квартиру.

Я немного успокоился, а то ведь известно, что на Беверли-Хиллз живут самые богатые звезды Голливуда и вообще всякие знаменитости.

На Мишиной улице проезжаем мимо одного особняка, перед нами на лужайке дядька черный с детьми бегают.

– Знаешь, кто это? – Миша небрежно спрашивает. – Знаменитый Кассиус Клей, он же Моххамед Али, знаешь?

Я плюнул на все, говорю: «Не-а».

Несколько раз в Штатах в разных городах нас таскали на настоящие приемы со свечами, бассейнами и слугами-неграми в белых перчатках. Все было очень богато, и я поражался, насколько сильную любовь испытывают к «Машине» простые американские миллионеры.

Правда, потом оказалось, что средства, ассигнованные богатыми людьми на такие приемы, проходят как благотворительность, и им за это снижают налоги.

Это не значило, конечно, что с таким же успехом можно было выбросить деньги на помойку, ведь гораздо приятнее их пропить с замечательными ребятами из Москвы, чем снабдить пару сотен бродячих собак «долгоиграющими» резиновыми костями.

Американцы все время улыбаются: неосознанно во сне, дома, на улице, – ходят прямо так и улыбаются, а уж если к нему обратиться с вопросом или как, тут уж приходится опасаться, как бы он челюсть не вывихнул.

Еще они друг друга хвалят и никогда не жалуется – всегда все о, кей.

Вот он подходит здороваться: «How are you?» (Как поживаешь?). Надо ответить: отлично, шикарно, бесподобно.

А если буркнуть, как у нас принято: «Ничего», – тут он уже подумает, что у тебя кто-то умер.

Часто спрашивают, уловив малейший акцент: «Откуда ты (или вы)?» Говоришь: «Из Советского Союза». Не понимают. Надо отвечать: Россия, Москва.

Так что мы еще до развала Союза уже отвечали, что – русские.

Один только раз очень правильно нас поняли. Был сильный дождь, а автобус не смог подвезти к самым дверям гостиницы. Три часа ночи, несемся, гремя сапожищами. На втором этаже открывается окно, и заспанный голос спрашивает: «Откуда это вы летите, как сумасшедшие?»

– Из Советского Союза, – отвечаю.

– Так я и думал, – и закрыл окно.

Но вообще к нам все очень благожелательны. Даже, кажется, немножко жалеют.

Пригласили как-то на обед в аристократический гольф-клуб. Америка – страна относительно молодая, к аристократии и к своей старине очень трепетно относится. Однажды на экскурсии достопримечательности показывают: вот здание, ему почти тридцать лет, а вот тому – целых пятьдесят.

Ну, разве можно быть аристократом с двадцатилетним стажем! Но ничего, оказывается, можно.

В гольф-клубе около ста почетных членов: Рональд Рейган, Майкл Джексон и другие суперзнаменитости. Чтобы получить членство, надо внести 150 тысяч, да и потом ежегодно отстегивать 50 – 60, но, как вы понимаете, не в деньгах дело.

Клуб расположен в уже суперфешенебельном месте внутри Беверли-Хиллз, в Бель-Эйр, и славится кухней своего ресторана, чуть ли не лучшей в мире.

Нам показали красивые поля для гольфа, клюшки почетных членов и, наконец, кухню с 15 – 18 поварами, каждый – мастер какой-либо национальной готовки. Даже двое специалистов по русским делам, наверное, варят им щи.

В просторном обеденном зале 5 – 6 миллионеров в белых рубашках что-то спокойно ели своими клюшками и на нас особого внимания не обратили.

Клуб считался сугубо мужским, женщины не допускались, но для организатора нашего обеда, голливудского продюсера, который пришел с женой, было сделано исключение.

Мы сели за стол и после первого тоста за нашу даму элегантно седой продюсер, держа бокал с шампанским (400\$-бутылка), произнес буквально следующее:

«Друзья! Всем известно, что самая развитая капиталистическая держава в мире – это США. В США самым богатым и процветающим штатом является Калифорния. Самый известный город Калифорнии – Лос-Анджелес. В Лос-Анджелесе самым фешенебельным районом

считается Беверли-Хиллз, а в центре его находится Бель-Эйр, где расположен наш гольф-клуб с роскошным рестораном, где мы все сидим.

Друзья! Вы находитесь в самом сердце капитализма, к которому ваша страна, к сожалению, выбрала такой тернистый и извилистый путь».

Наш Директор встал и обратился к продюсеру с краткой ответной речью, где сдержанно похвалил Америку и жратву. И мы выпили, как я понял, за перестройку.

Мне так понравился этот стройный и безупречный американский тост, что я изо всех сил постарался его запомнить, чтобы в случае чего воспроизвести. Недавно такой случай представился: приехали знакомые американцы. Я произнес тост, слегка подправив его под наши условия: мол, вот мы все здесь, в Москве, в ресторане «Пекин», в европейском зале и т. д.

Американцы кивали, но мне показалось, что тост настоящего искрометного успеха не имел.

Когда поет А. Б. Градский, я забываю обо всем. Мы знакомы с ранних юношеских лет, репетировали в разных группах в легендарном Доме культуры «Энергетик», я всегда восхищался его уникальным голосом, даже когда он не поет, а так просто, в разговоре. Еще меня очень привлекали бескомпромиссность его суждений и очень здоровое чувство юмора.

С тех пор, конечно, прошло много лет. Градский стал известнейшим певцом и композитором, а я – всего лишь гениальным звукорежиссером и писателем, поэтому не могу называть его на бумаге Сашей, в крайнем случае – Александром.

Так вот, в Америке Александр купил себе стекло.

Будучи человеком предусмотрительным, еще задолго до этой поездки он приобрел огромный «Бьюик» 72 или 75 года и с первых дней пребывания в Штатах искал для этой машины ветровое стекло. Нашел и купил.

Стекло было очень большое, а ящик для его хранения – так просто огромный, и в нем хотелось жить. Валандались и таскались мы с этим ящиком исключительно из уважения к таланту и личности Александра.

Как-то раз в Сан-Франциско я был дежурным по ящику. Сижу, привалился к нему, как к горе Машук, и за него отвечаю. Присматриваю, как бы в нем бездомные не расселились или океанский контейнеровоз за своего не принял и не уволок незнамо куда.

Покурываю тайком запрещенные в США сигареты «Родопи». Их еще президент Линкольн запретил, как пустую трату времени, а под категорию марихуаны они подходят разве что по запаху. Я все сидел и размышлял, как этот ящик завтра волочь в другое место, и вспомнил кучу всяких историй о громоздких предметах и их перемещении.

У ансамбля «Верасы» была сильная нужда. Нужда была в двух кофрах для перевозки микрофонных стоек. Кофры должны были быть метра по полтора и сделаны из фанеры. Вот те, кому положено, навалили чертежи и отправили их на завод или, там, в мастерские, где заказ должен был быть выполнен точно и в срок.

Время от времени «Верасы» интересовались, как продвигается работа. Им отвечали, что все в порядке, уже пройден нулевой цикл и заложены первые фанерки.

Через каких-то два года изготовители позвонили, сообщили, что первый из кофров готов, и предложили встречать груз около 15 часов. Филармонические деятели выразили удивление таким пафосом и, в свою очередь, предложили послать своего экспедитора, чтобы он схватил коробку и привез. Но изготовители, сославшись на новую форму обслуживания, стояли на своем.

Встречать вышли всей филармонией.

В 15 часов в ворота вошел спиной человек с флажком, за ним показалось нечто вроде дома средней величины, который на тягачах, тачках и подводах волокли радостные изготовители.

Оказалось, кто-то в среднем звене не вовремя выпил и перепутал миллиметры с километрами.

Чудовище долго стояло во дворе филармонии. Были проекты открыть там дискотеку или рынок, но администрация на всякий случай отказывала.

А чехлы для стоек чья-то жена сшила из подвернувшихся тряпок за 20 минут.

А вот еще. Случилось мне один раз в городе Магадане перевозить довольно громоздкий ящик с ударной установкой.

Я стою на улице с этим ящиком и двумя бойкими местными ребятами, через которых и была приобретена установка, пытаюсь поймать такси.

Машу руками, как ветряная мельница. Но вот одна машина с «зеленым глазом» мимо проезжает, потом другая...

Ребята, посмеиваясь, за мной наблюдают, наконец один, который поглавней, смиростивился над недотепой, говорит:

– Ладно, мальчик, отойди! Кто же у нас в Магадане *так* тачку ловит?!

Вышел он на край тротуара, сунул руки в карманы и стал правой ногой такое движение делать, как девочки в варьете в танце «канкан».

Я думаю: «Во как! Век живи – век учись. В жизни бы сам не догадался», – и действительно, первая же «Волга» останавливается.

Вежливый водитель аж из машины вышел и к нам направляется. Мой магаданский «канканщик» смотрит на меня – знай наших, но тут водитель как даст ему в табло и уехал. Что уж случилось, точно не знаю. Может быть, не той ногой надо было.

Ребята долго оправдывались, что это «водила» мудака и козел, а я плюнул на местный колорит, достал московский «чирик» (тогда это еще были деньги), взмахнул им, как Кио палочкой, и первый же грузовик, ссыпав уголь на обочину, помчал меня с барабанами в дальние дали.

.....

Работали у нас в свое время трое рабочих: Басов, Шитов и Калахов. Кличка у них была – «три молодца, одинаковы с лица».

Действительно, очень похожи друг на друга: плотные, немногословные, обстоятельные.

Никто о них толком ничего не знал, только однажды Шитов сказал, что брат у него «на шофера кончил».

Работниками они себя зарекомендовали хорошими, меж собою крепко дружили: придут, бывало, утром все с «фонарями» – директор им допрос с пристрастием. «Упали, – говорят, – ударились».

Еще им почему-то очень нравилось быть евреями.

– Мы, – говорят, – евреи: Басман, Шитман и Калахер.

Когда приезжаешь на гастроли в другой город, одним из самых доступных развлечений является дневное посещение местного универмага. Вот в одной украинской поездке приходим в универмаг. Походили, посмотрели, потом, конечно, заходим в музыкальный отдел. Я гляжу, глазам не верю: стоят звуковые агрегаты типа «Маршал». Две колонки одна на другой, и сверху усилитель. По виду ни дать, ни взять – фирменная аппаратура, на которой обычно западные «монстры рока» выступают.

Оказывается, местный радиозавод выпускает. И название залихватское – что-то вроде «Ритм» или «Гамма».

Мы эту аппаратуру обступили, гадаем: какова она в деле? Тут, откуда ни возьмись, трое «евреев» протискиваются. Басман с Шитманом обошли агрегат вокруг, потом, не сговариваясь, схватили за ручки, приподняли, опустили. «Говно», – говорят. А Калахер даже плюнул.

Мы тоже плюнули: чего уж тут смотреть – все ясно. Я этот способ проверки качества взял на вооружение, и, когда в первый раз за ящик со стеклом Александра уцепился, сразу понял – сильная вещь.

Пока я все это вспоминал, дежурство мое кончилось, смена пришла, и отправился я ужинать чем американский бог послал.

Приехали в Даллас, штат Техас. К этому времени «Машина» уже отделилась от «Марша мира».

В плане у нас были записи на очень хорошей далласской студии и пара концертов.

Состоялся даже небольшой концерт в городе Хьюстоне, столице американской космонавтики, где «действующие» русские до этого времени появлялись крайне редко.

Даллас – очень красивый город, очень чистый и благоустроенный (если можно вообще так говорить об американском городе) – в свое время покрыл себя мрачной славой. В Далласе был убит президент Джон Кеннеди.

Мы побывали на том месте, видели здание, с верхнего этажа которого, по официальной версии, стрелял Ли Харви Освальд.

Освальд, арестованный по подозрению в покушении на Кеннеди, вскоре сам был убит Джеком Руби, в свою очередь, через месяц отравленным в тюремной камере, развалившейся через три дня на мелкие куски, впоследствии съеденные мышами.

Комиссия Уоррена, занимавшаяся потом расследованием этого жуткого дела, исписав толстенные тома, зашла в тупик, так как свидетели исчезали один за другим. Возможно только будущее прольет свет на тайну убийства. И то вряд ли.

В Далласе было много интересных встреч и контактов, но апофеозом явилось посещение «Хард-рок-кафе».

Не надо думать, что это нечто вроде кафе-мороженого, где играет группа. «Хард-рок кафе» в мире всего несколько. Это – своеобразный центр рок-культуры. Это – роскошный ресторан, способный удовлетворить самые изысканные вкусы. Это – мемориальный музей, где собраны реликвии, принадлежащие лучшим музыкантам мира: гитара Джимми Хендрикса, одежда «Битлз» и т. д. И наконец, это – престижнейший концертный зал, где выступали и выступают (но только по одному разу) звезды рок-музыки.

Честь выступить в «Хард-кафе» была оказана Элвису Пресли, Стиви Вандеру, «Роллинг Стоунз», Чабби Чеккеру и другим звездам, причем честь обоюдная: заведение очень гордится людьми, занимавшими его сцену, и в ознаменование каждого такого события на площади перед зданием навечно помещается бронзовая звезда с фамилией певца или названием группы.

Сердце любого рокера зашло бы при взгляде на это созвездие имен, и каково же было наше удивление, когда «Машине» официально предложили выступить в этом замечательном месте.

Ни о какой звезде, конечно, разговора не было (этот вопрос решался спецсоветом), но возможность поиграть на одной сцене с музыкантами такого масштаба просто потрясала.

Первая (и последняя) очередь, которую я увидел в Штатах, была очередь за билетами на наш концерт. Публика собиралась солидная, так как цена билетов была довольно высока – около 18 долларов, а за десять можно было купить приличные джинсы.

Все, конечно, очень волновались. Концерт открыл тремя песнями Александр Борисович. Пел он по-русски, но зрители были буквально потрясены его вокальным мастерством и этого не замечали. Некоторые в волнении закурили, другие обменивались вполголоса восхищенными репликами. Тогда Градский сделал следующее: оборвав на полуслове волнуемый рассказ о приключениях Гарсии Лорки, он, пользуясь буквально тремя английскими словами (типа «Ноу смокинг, фастен белтс»), заставил зал замолчать и прекратить курение, чем поднял престиж советских артистов на небывалую высоту. Об этом взхлеб с одобрением написали утренние газеты.

После этого «Машине» работать было легко, зрители были само внимание, и я даже слышал, как по залу пролетели две мухи.

Еще до поездки Андрей удачно перевел несколько песен, а перед русскими текстами делал по-английски небольшой анонс, так что для зрителей не пропали ни музыка, ни смысл, что было особенно приятно. В общем, большой успех.

В течение всего концерта за моей спиной стояли трое солидных мужчин и очень внимательно наблюдали за моими действиями. Первый был по виду очень похож на продюсера Мадонны, второй явно напоминал продюсера Рода Стюарта, а третий скорее всего являлся продюсером Майкла Джексона. Пришлось мне блеснуть мастерством и хвататься за ручки в темпе шахматного блицтурнира.

По окончании концерта я повернулся к ним и спрашиваю:

– Как вам понравился «саунд звука»?

Один сказал: «Отлично!», другой: «Шикарно!!», а третий: «Бесподобно!!!» – и добавил: – Прекрасная работа».

Странно все-таки, как Америка влияет на творческие способности человека. Вот, помню, в Орле после концерта зрители прибегают:

– Где, – кричат, – этот звукорежиссер хренов, надо бы ему руки оторвать!

Это – на родине, а здесь такие важные люди – и «шикарно и бесподобно».

В общем сижу я, это, и мысленно уже у Мадонны и Стюарта работаю, а может быть, даже и у Майкла.

Тут Макаревич подходит:

– Чего-то, – говорит, – мне показалось, что гитара сегодня была тиховата.

Пришлось срочно в «Машину» «возвращаться».

А мужики те, трое, оказывается поспорили между собой на бутылку виски, что я обязательно что-нибудь сломаю, но просчитались, сволочи.

На вечернем «разборе полетов» вышел небольшой спор о программе, но все согласились, что в целом концерт прошел хорошо; Андрей с достоинством комментировал по-английски русскую часть концерта, а я ничего не сломал.

Александр Борисович, зашедший на огонек, тоже сдержанно похвалил коллектив, но чувствовалось, что у него есть свое собственное мнение о том, кто принес концерту успех.

(Александр всегда относился к «Машинистам» как к братьям меньшим, на что, безусловно, имел право, и позволял любить себя и восхищаться только издалека).

В ответ на этот демарш я вынужден был тут же наврать, что слышал из верных источников о планирующемся открытии звезды в честь «Машины времени». Градский хохотал так, что стекла чуть не лопнули, и предложил в качестве материала для звезды трехслойную фанеру. Было грустно.

А сон-то оказался, что называется, в руку. Дня через два американцы намекнули, что утром около «Хард-рок-кафе» состоится некая торжественная церемония. (А кое-кто продолжал хохотать.)

Я пошел в магазин и приобрел за 70 центов кусочек жести, подручными средствами обрезал его, придав форму звездочки. Написать фломастером имя и фамилию было уже делом техники.

На следующий день далласцы не поленились устроить пышный праздник в своем стиле. Было все: и небольшой оркестр, и разрезание лент, и торжественное срывание со звезды красного покрывала. В конце церемонии «американские пионеры подарили „Машине времени“ галстуки» («Пьер Карден») и т. д. и т. п.

Я положил звездочку Александра на зеленую травку, но показывать кому-либо постеснялся: зачем мне нужен враг на всю жизнь, тем более что поет-то он по-настоящему здорово.

А звезда «Машины» из сверкающей бронзы помещалась где-то справа от Чабби Чеккера и в приятной близости от Элвиса Пресли, и если хвалить после каждого концерта и улыбаться – это способ американской жизни, то отливать и устанавливать звезду с надписью «Time machine, USSR» их никто не заставлял. И это – хорошо!

Сводили нас на новый фильм «Красная жара». В нем советский милиционер, которого играет Арнольд Шварценеггер, приезжает по делам службы и розыска в Чикаго. Американская полиция активно ему помогает, и все кончается хорошо. Довольно забавный фильм, правда, смеялись мы совершенно не в тех местах, где американцы, ну, да неважно, у них свой юмор, а у нас свой.

Присутствовал там такой эпизод. Милиционер Шварценеггер, усталый после самолета, наконец добирается до номера в гостинице, заходит, запирает дверь, бросает свой портфель на диван и включает телевизор. На экране появляется целующаяся парочка.

– Тьфу, это же капитализм, – говорит Арнольд с отвращением и выключает «ящик».

На очередном приеме сосед по столу, который, кажется, присутствовал на просмотре, спросил меня: как мне нравится Америка? Я, желая сосстричь и намекая на фильм, ответил:

– Это же капитализм.

Через два дня вышла газета, как раз освещавшая пребывание в Далласе «Машины» и присуждение ей звезды.

Большая статья с фотографией группы на первой странице начиналось словами:

«Макс Капитановский – саунд-инженер «Машины времени», – держа в руке стакан с водкой, сказал: «Да, это – капитализм».

Я как прочитал, чуть в обморок не грохнулся. Во-первых, от лживости и продажности американской прессы, во-вторых, от страха, что в Москве узнают. Шел 1988 год, а тут «стакан с водкой». Хорошо помню, что пил из рюмки, а они, гады, что написали.

Да еще Директор на меня долго и выразительно смотрел – прямо мороз по коже. Я решил при случае с этим «щелкопером и бумагомаракой» отношения выяснять.

Случай представился на третий день, во время концерта Рода Стюарта. Нам раздали такие значки «Очень важная персона», дающие возможность ходить за кулисы и в буфет. И вот моя персона увидела в буфете того журналиста, подходит к нему и говорит заготовленную речь, в смысле «ай-яй-яй».

Уж как он смеялся!

– Я тебе, – говорит, – только хорошего хотел. Твоя фамилия в центре газеты появилась, у нас за это люди, знаешь, какие деньги платят, а тебе – на халяву...

Моя «очень важная персона» все поняла и больше с глупостями не приставала.

Директор меня в Москве не выдал, а руководство почему-то прошляпило.

Концерт Рода Стюарта. Мы впервые присутствовали на настоящем рок-концерте такого масштаба. Огромный полуоткрытый зал, отличная аппаратура, шикарные музыканты, бесподобный Род Стюарт.

Мы, как «очень важные персоны», располагаемся близко от сцены. Билет стоит \$ 18.50, дешевле, чем на «Машину» в «Кафе», но и зал больше раз в 10.

Слева огромный экран, показывающий всякие мелкие детали: выражение лица, пальцы гитариста или клавишника – великолепное шоу.

В проходах дежурят квадратные мальчишки в черных майках – охрана. Зрители беснуются, но в рамках; курят марихуану, но понемногу; пьют виски, но по чуть-чуть – полный кайф. Хрупкая девушка, профессионально сбив с ног тренированного громилу, прорывается на сцену, и Стюарт допевает песню с ней на руках.

Я сидел, разинув рот, смотрел и слушал, а вокруг сорокалетние мальчишки и девчонки пели, танцевали, целовались. У меня зрело неосознанное чувство протеста советского человека, не привыкшего, чтобы было так хорошо.

Одним словом, я собрался УЙТИ. Будучи уже очень известным в Америке человеком, фамилией которого уж полгода как пестрели центральные газеты (стакан водки и т.д.), я представил себе завтрашние сенсационные заголовки: «Капитановский УШЕЛ с концерта Стюарта», «МАКСУ такая музыка не нужна» и т. п.

Пока я смаковал несостоявшееся будущее, концерт незаметно кончился, и мы отправились на банкет-прием, которого Стюарт каждый раз удостаивал сугубо избранных.

Сугубо избранных в Далласе оказалось человек 800. Закуски, напитки, легкая музыка – большой праздник.

Между прочим, я заметил ту девушку, которая охрану прорвала, она как раз с тем охранником и отдыхала – подсадная уточка-то!

Часа через 2 появился САМ и в уголке ужинал со своими детьми. Он явно устал и несколько тяготился шумным обществом. Я-то на всякий случай прошелся мимо пару раз таким гоголем, чтоб он понял, КТО с него хотел уйти, но сильного впечатления это не произвело.

В результате Андрей был в конце вечера представлен Стюарту, поговорил с ним немного, и они вместе сфотографировались. У Макара фото хранится – РОДИК и АНДРИК.

Но мы с Директором этого уже не видели: у него мечта была у Стюарта на коленях посидеть – не вышло, и мы заплакали и пошли домой в скромную гостиницу «Анатоль» (двести баксов в сутки).

Почти перед самым отъездом посетили еще один плантаторский дом. С белыми колоннами, расположенный на живописном пригорке среди цветов и деревьев, дом производил впечатление форпоста рабовладения. В воздухе слышались звон кандалов и крики угнетаемых негров. Своеобразное очарование старины не портила даже циклопическая спутниковая антенна, стоявшая на лужайке перед крыльцом.

После обеда, о котором даже говорить не хочется, хозяева предложили освежиться в бассейне. Мы уже привыкли, что бассейны есть почти у всех, а лето в Калифорнии очень жаркое, поэтому с благодарностью предложение приняли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.